

КОСТЁР

2

ФЕВРАЛЬ 1982



КОСТЁР

2

ФЕВРАЛЬ

1982

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

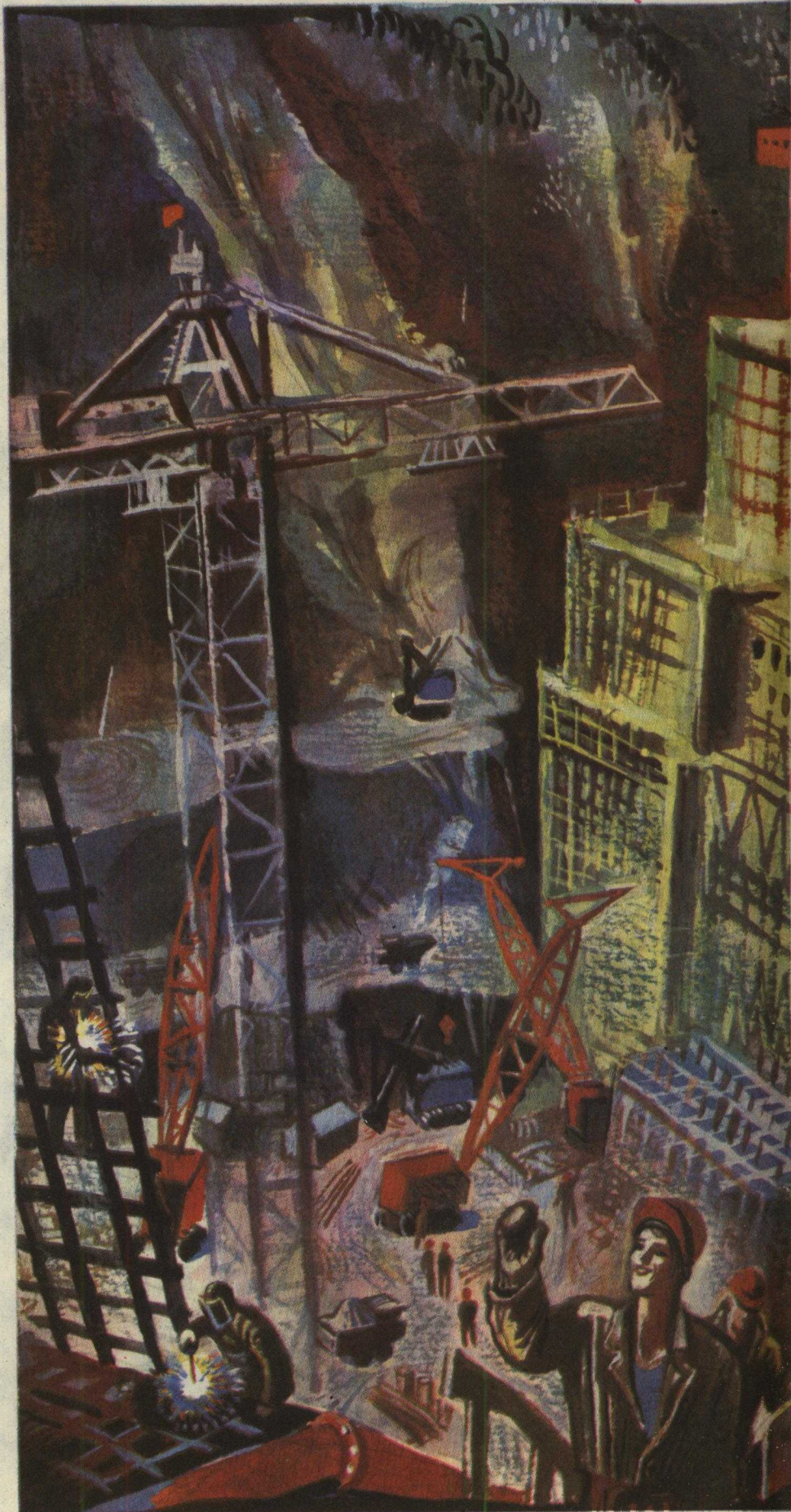
Издаётся с 1936 года

© «Костёр», 1982 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Пятилетка в действии фотоокошко	2
Врагу не сдаётся историческая повесть Л. Богачука	3
Стихи твоих ровесников	11
Барабан	14
У нас друзья на всей планете!	16
Стихи поэтов Советской Молдавии	17
Чапаевские орлята рассказ В. Разумневича	18
Старшая среди равных к 60-летию СССР	23
Морская газета	26
Картинки с выставки заметка М. Белоусова	28
У эстонских рыбаков очерк Т. Орловской	30
Мой друг Бобби отрывок из повести Гиты Банерджи	32
Они пишут для вас	35
Серебро Великого Устюга очерк А. Гостомыслова	38
Школа будущих командиров	42
Два брата и великан ненецкая сказка	44
Спортклуб «Кузнечик»	46
Арчбек	48

На обложке рисунок
В. Лебедева
к рассказу «Чапаевские орлята»



СКАЛОЛАЗЫ

Леонид ЗАМЯТНИН — профессиональный инструктор по альпинизму и горным лыжам. Работал на Кавказе, Памире, Тянь-Шане. Побывал и на строительных Нурекской и Рогунской ГЭС, где работают скалолазами-монтажниками его друзья-спортсмены.

В апреле 1981 года ездил на строительство Саяно-Шушенской ГЭС.

Публикуем его репортаж.

Первые скалолазы Саяно-Шушенской ГЭС, поднявшись на Джойский хребет, валили лес, строили дома, ни от какой работы не отказывались. А уж потом занялись своим основным делом — защитой стройки от обвалов: оборкой скальных склонов, установкой камнеловушек, закладкой взрывпакетов. Конечно, все в бригаде — спортсмены. Иначе нельзя — каждый день приходится работать на отвесных стенах. И живут скалолазы одной семьей. Ежедневно жизнь каждого находится в руках товарища.

Раннее утро. Свежо. Лучи восходящего солнца пробиваются сквозь тайгу, карабкающуюся по правобережным скалам, стеной вставшим над Енисеем. Трясемся в крытом кузове грузовика. Шоссе Черемушки — Саяногорск. Плотнo, плечом к плечу, сидят на деревянных сидениях по бортам машины молчаливые парни в касках и ватниках, подпоясанных страховочными абалаковскими поясами — скалолазы бригады Бориса Беленького. Под ногами — анкера, штанги для перфоратора, бухты капроновой веревки. Проехали поселок Майна.

Толчок. Остановка. Приехали. С грохотом летят на зем-

лю анкера, плюхаются веревки. Лезем налево вверх по осыпи. Шоссе прорублено в скальном хребте, параллельно шоссе проложена железнодорожная ветка. Над ней нависают скалы. И сыплются с них камушки. Справа от шоссе — Енисей.

— Смотри, что происходит с рельсом от удара камнем, — говорит бригадир Борис Беленький. — Вот только что заменили.

Разглядываю изогнутую стальную полосу.

На стене над нами висит каменная «балда», которую надо взорвать, пока не рухнула сама. Слева — еще одна. И мы втроем — Саня Кузьменко, Олег Морозов и я лезем наверх, чтобы пробурить в скале скважины для закладки взрывчатки. Порода крепкая. Мелкие зацепки держат хорошо. Вот и веревка, закрепленная наверху вчера. Вяжем на ней схватывающие узлы из репшура¹. Со страховкой как-то спокойнее. Тащим с собой бензоперфоратор для бурения скважин и топливо для него — огнетушитель, наполненный бензином. Вот и наш «камешек».

— Михалыч, — кричит мне Саня, — сними черную веревку и брось нам двойную. Белую оставишь для себя.

Я отвязываю от сосны и снимаю обе веревки. Лезу выше. Ухожу вправо по склону. Трава. Колючие кусты. Почти горизонтально торчит березка. Разбираю черную веревку, складываю вдвойне, привязываю к подножью дерева узлом «булинь»². Бросаю парням концы.

¹ Альпинистский узел, обеспечивающий самостраховку.

² Узел, служащий для закрепления веревки.

Продолжение на стр. 12

**ПЯТИЛЕТКА
В ДЕЙСТВИИ**

НА ТРАССЕ

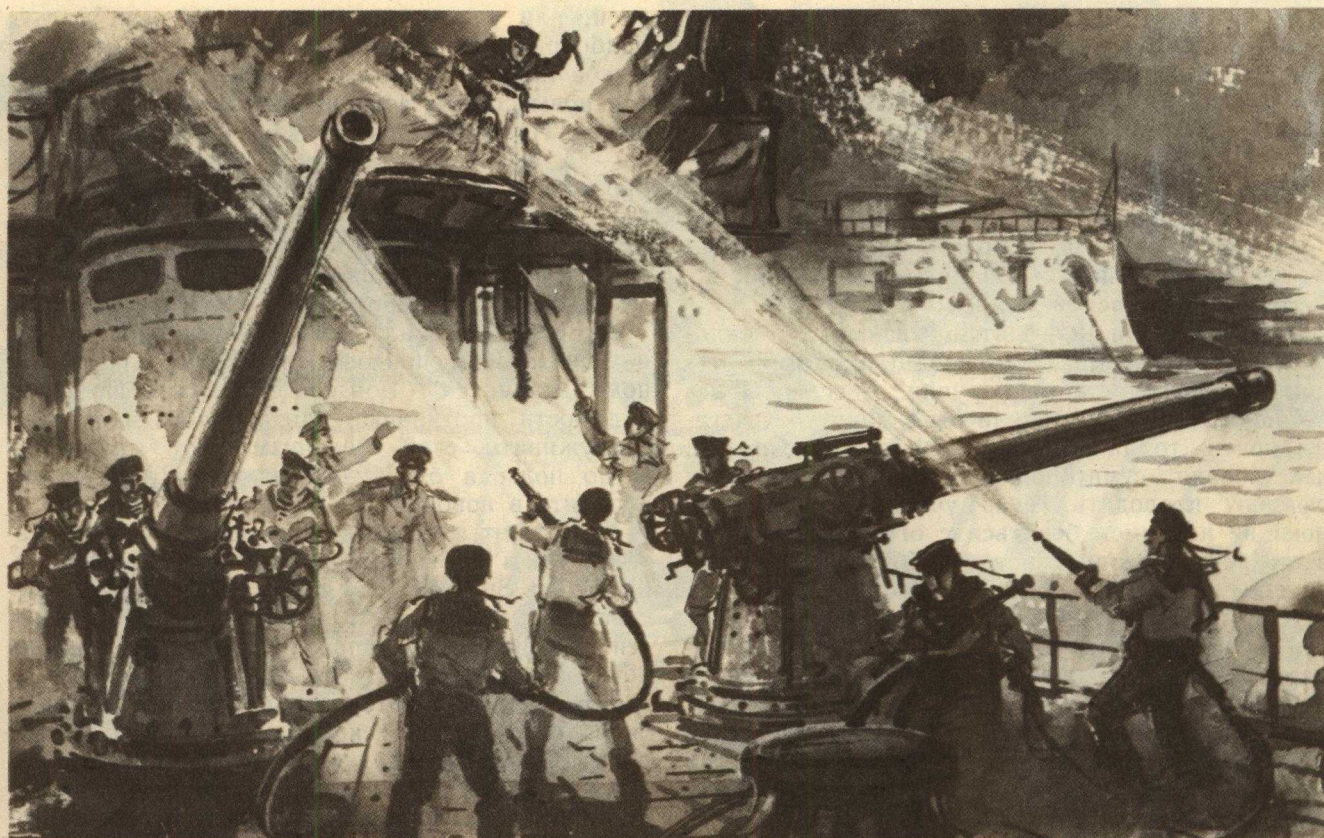
Для строительства каждого трубопровода требуется много металла. И школьники помогают металлургам. В десятой пятилетке они собрали 3 миллиона тонн металлолома.

Идет укладка труб на севере Тюменской области.

Еще больше металлолома хотят собрать школьники в одиннадцатой пятилетке — 3,5 миллиона тонн. Металл пойдет на сооружение газопровода из Уренгойского месторождения.

Этот снимок сделан в Тюменской области на строительстве газовой трассы Уренгой — Грязовец.





ВРАГУ НЕ СДАЕТСЯ

Леонид БОГАЧУК

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки В. Шевченко

Как-то вечером Всеволод Федорович вызвал к себе старшего офицера.

— Сегодня перед рассветом проведем учения, — заговорил Руднев. — Вначале, как всегда, отражение минной атаки. Затем бой. Условным противником будем считать наши корабли, стоящие на рейде.

Старший офицер улыбнулся:

— На рейде шесть кораблей. Два из них броненосцы. Тут впору сдаваться или идти на дно! Всеволод Федорович, в современной войне такой бой невозможен. Сейчас дерутся эскадры! Одиночный корабль против такой армады бессилен! Против нас почти сотня орудий!

— Попробуем все же повоювать и при таком соотношении сил. Поручите унтерам подготовить на стальных листах кучи промасленного тряпья и разложите их в разных местах на палубе — будем имитировать пожары. И еще одно: командовать крейсером будете вы. Я хотел бы считаться условно раненым... Прошу вас: не вос-

принимайте это как экзамен. Просто мне нужно посмотреть, как будут действовать моряки.

В пять утра ударили колокола громкого боя. Засвистели боцманские дудки. Тревога! Минная атака!

Прожекторы стали обшаривать рейд, высветили стоящие корабли. Изготовлены к бою орудия.

В районе кормового мостика возник первый «пожар». Его погасили довольно быстро. В это время в разных местах вспыхнуло еще несколько «пожаров». Началась суeta. Одни пожарные рукава не доставали до огня, другие собирались в бесформенные груды, мешали в проходах.

Матрос с пожарным рукавом застрял на трапе — никак не мог размотать пожарную кишку.

Уже начал заниматься брезентовый обвес мостика. Пожар грозил из учебного стать настоящим. Тогда к обвесу подскочил матрос, взмахнул ножом, распоров его у самой палубы, потом взялся за лист металла, на котором горела ветошь, приподнял его — и толкнул за борт!

И тут снизу с палубы ударила запоздавшая струя

воды — кто-то сообразил, что гасить огонь не обязательно подойдя к нему на два шага. Вода с ног до головы окатила матроса. Отфыркиваясь, тот бросился в рубку и чуть не сбил с ног Руднева.

— А, Чибисов! — воскликнул Всеволод Федорович. — Молодец! Лихо справился с делом! Звать-то тебя как?

— Тихон, ваше высокоблагородие! — ответил матрос и неожиданно добавил: — Тульский я...

На разборе учений Руднев был строг:

— Это никуда не годится, господа! Комендоры бросились помогать аварийным партиям тушить пожары, оставили орудия! А если бы настоящий бой? Нас утопили бы в минуту! Кочегары почему-то даже не развели пары... Словом, действовали суматошно и неумно. Старшему офицеру проводить такие учения до тех пор, пока не научимся бороться с огнем быстро, без суеты! И одновременно вести бой всеми силами корабельной артиллерии!

На следующий день Тихон Чибисов был назначен вестовым командира крейсера. Над «Варягом» висело облако угольной пыли. Крейсер готовился к переходу в Чемульпо, где ему предстояло находиться в качестве стационара, который обеспечил бы охрану русского посольства в Корее, а заодно поддержал бы нейтралитет этой страны.

Слухи из Кореи были тревожны и противоречивы. Утверждали, что японские войска уже контролируют все железные дороги, что семья корейского императора находится под домашним арестом.

Командир и старший офицер съехали на берег для получения инструкций. Старшим на корабле остался Беренс.

К вечеру кают-компания превратилась в политический клуб.

— Война все равно неизбежна! — горячился мичман Губонин, командир правого плутонга. — Значит, нам первым нужно блокировать японские порты, перехватить в море десанты...

— Оставьте стратегию адмиралам, — раздраженно бросил флаг-офицер Башкатов. — Да прикажите прикрыть иллюминаторы — пыль несет.

— Действия каждого должны быть осмыслены. Как говорится, на адмирала надейся, а сам не плошай, — не сдавался мичман.

— Упаси боже, мичман, — ответил флаг-офицер, — этак какой-нибудь унтер начнет прикидывать: стоящее приказание он получил или нет? Недавно нам в штаб донесли о подозрительных сборищах рабочих с Балтийского завода, тех самых, что строят у нас док и мастерские. Поскольку мы на военном положении, контрразведка провела дознание, и что же, господа? Изъяли чертежи деревянного кессона, который они, видите ли, изобрели для ремонта подводных пробоев без докования! А кто поручится, что сей проект сделан не для отвода глаз? Тем более, что среди этих изобретателей был и один из ваших матросиков... Оленин, кажется. Вот где, господа, действительная опасность — в кубриках, казармах, рабочих бараках! А касательно войны с Япо-

нией, или с кем там еще, — таковая только подбодрит нас, расправит мускулы. Мы там в штабе тоже не дремлем, недавно придумали две-три новых схемы атак на неприятельские броненосцы. Изящные, доложу вам, идейки!

— А вы хоть раз «Миказу» — флагманский броненосец Японии — на ходу или на стрельбах видели? Я видел.

— У страха глаза велики, мичман. Русский матрос всегда был храбр.

— Что такое храбрость в современном бою? — Губонин чувствовал, что его «понесло», но он не мог скрыть неприязни к этому сытому, уверенному штабисту. — Бой при стрельбе на пределах видимости противника. Матрос обязан толково обслуживать свой механизм — вот храбрость! Я по полгода бьюсь, чтобы устав да грамоту долбить в новобранца.

— Вот-вот, — неожиданно согласился Башкатов. — Вы их грамоте обучаете, а они вам — агитацию. Знаете, какие письма из деревни, адресованные морякам, мы в штабе читаем? Грамотей на корабле — запал к пороховой бочке, на которой мы с вами сидим, господа.

Бесстыдство, с которым флаг-офицер признался в том, что они вскрывают письма матросов, повергло кают-компанию в тягостное молчание.

Алексей Нирод, который, казалось, не прислушивался к разговору, негромко наигрывая что-то на рояле, вдруг встал, хлопнув крышкой:

— Вестовой!

Перед ним бесшумно вырос гигант-матрос, замер, уставился в переносицу мичмана. Алексея всегда бесил этот, как ему казалось, тупой матросский взгляд, упирающийся прямо в лоб офицера.

— Что думаешь, братец, война будет?

— Не могу знать, ваше благородие!

— А ежели с японцем схватимся, чей верх будет?

— Известно чей, ваше благородие, — наш. Японец ростом не вышел и кушает опять же суп против нашего как воробей...

— При чем тут рост! Пушки его видел? Он же не в кулачки с тобой пойдет. Ну, так что думаешь?

Лицо матроса побагровело, покрылось мелкими капельками пота.

— Отвечай!

— Прикажете мадеру подать господам офицерам, ваше благородие? — с трудом выдавил матрос.

Граф Нирод побледнел, вздулись под кожей тугие желваки.

— Подавай, — торопливо сказал Беренс, — да смени пепельницы.

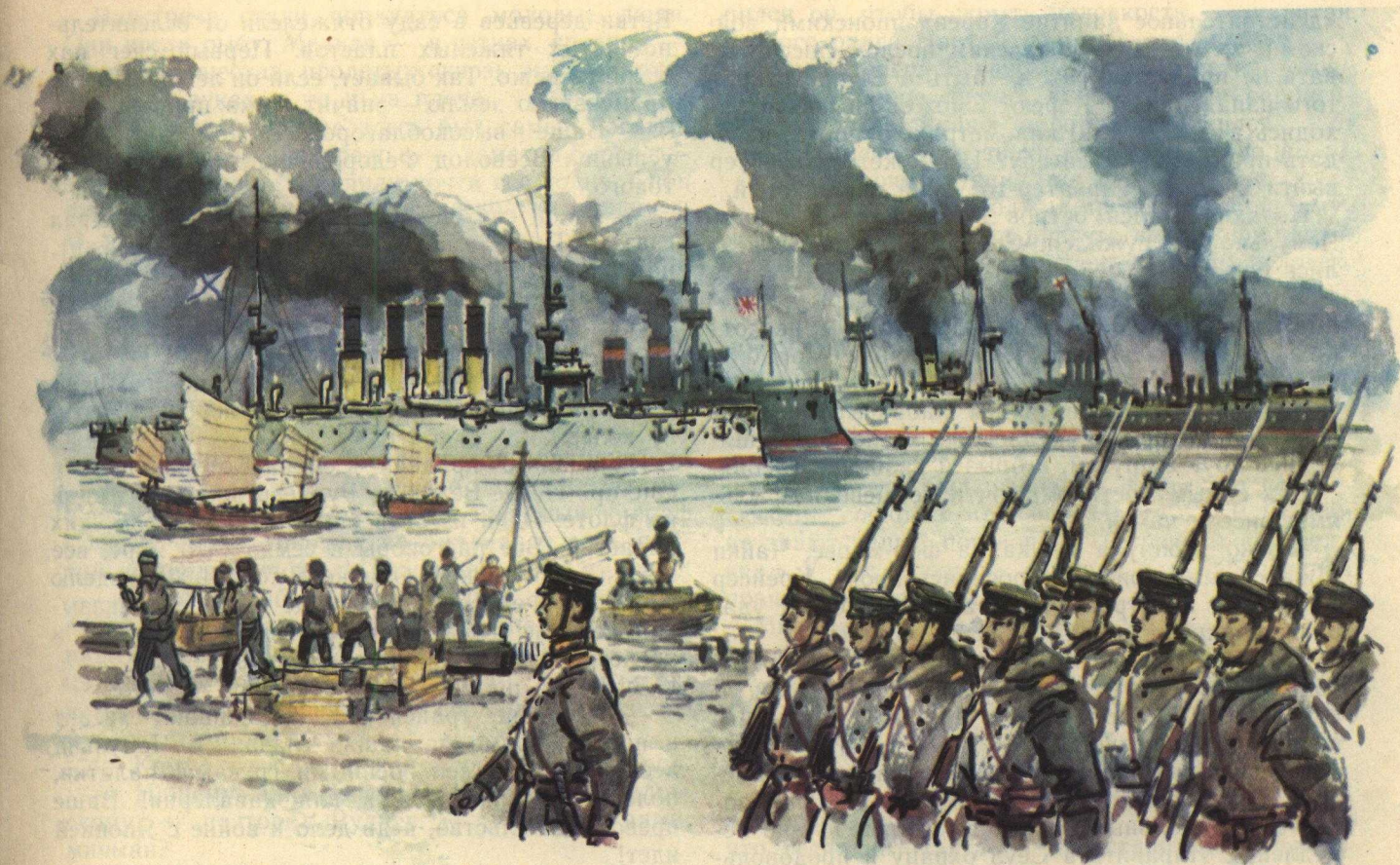
Лейтенант подошел к Нироду.

— Что за сцена, Алексей?

Мичман махнул рукой:

— Что мы о них знаем? Ну, фамилию, роту, место по боевому расписанию, номер вахтенной смены, место в аварийной партии... Достаточно, чтобы идти в бой?

— Потрудитесь немедленно проследовать в свою каюту, — сухо приказал Беренс.



Алексей вытянулся, повернулся кругом, вышел из кают-компаний.

Беренс поднялся на палубу. Погрузка уже закончилась. Угольные ямы закрыты. Приборка на палубе сделана. Служба идет!

На баке вспыхивали и гасли огоньки матросских самокруток.

«Что мы знаем о них?» — вспомнилось Беренсу. Он невольно прислушался.

— Неужто вправду война?

— Ежели я со службы не вернусь, матери моей шестерых не поднять...

— А у нас в семье все мужики — призывные. Значит, к весне опять соседей проси: «вспашите землю, Христа ради!»

— Поди опять народ оголодает — лошадемок мобилизуют, недоимки вместе со шкурой сдерут...

— А то как же! Мне вон их благородие доктор недавно говорили: один снаряд вон этой пушки стоит, сколь корова!

— Не иначе — врет!

— Солдат долг свой исполнить обязан.

— То-то и оно! Только и слышишь: тут долг, там задолжал.

— Но-но! Присягу принимал? Чего болтаешь?

— Я и говорю: долг свой исполним...

«Как они просто, — думал Беренс, направляясь к каюте Нирода, — как просто, без нашей обычной офицерской рисовки — о жизни и смерти. Что за люди!»

...Двадцать девятого декабря, за два дня до наступления нового 1904 года, крейсер «Варяг» входил в гавань Чемульпо. Последние сорок миль пришлось двигаться узким фарватером, который вел к этому корейскому порту.

На рейде Чемульпо уже находились русские корабли — крейсер «Боярин» и канонерская лодка «Гиляк». Здесь же строгой колонной стояли вдоль берега на яоре английские крейсеры «Кресси» и «Тальбот», итальянский «Эльба», японский «Чиода» и военно-транспортное судно «Виксбург» Соединенных Штатов Америки.

«Варяг», как и другие иностранные корабли, обеспечивал безопасность своего посольства в Корее. Для этой цели на крейсере находился небольшой казачий отряд.

Однако Всеволод Федорович получил и дополнительные инструкции: «Не препятствовать высадке японских войск, если таковая случится до объявления войны... Поддерживать хорошие отношения с иностранцами... Ни в коем случае не уходить из Чемульпо без приказа... Крейсер высылается в распоряжение посланника, чтобы он имел возможность немедленно и скоро передать в Порт-Артур донесение, если бы действительно началось занятие Кореи японцами...»

Руднев не один час размышлял, как же ему выполнить столь разные распоряжения: «не препятствовать высадке десанта» и «не уходить из Чемульпо без приказа»? Ведь если начнется

«действительное занятие Кореи» японскими войсками, то на связь с русским послом рассчитывать не придется. Как же быть в случае открытого нападения на Корею? Сможет ли посол, находясь в Сеуле, в 40 километрах от порта, передать приказание крейсеру? И сможет ли крейсер выйти в море? Фарватер-то узкий, извилистый...

Позади остался остров Ричи. Вход в гавань Чемульпо все сужался. Справа и слева показались берега.

Море было невеселым. Свинцово-серые тяжелые волны лениво колыхались за бортом, неохотно расступались перед форштевнем корабля, иногда зло били о борт.

Позади за кормой волны набрасывались на дорожку, которая тянулась за крейсером, сшибались друг с другом, в брызги разбивая гребни.

Над самым мостиком, почти не шевеля крыльями, висели чайки.

Звонко хлопнула пушка на фор-марсе. Чайки с жалобными криками бросились прочь. Крейсер салютовал иностранным кораблям. В ответ ударили пушки кораблей, стоящих на рейде.

«Варяг» стал на якорь напротив «Тальбота», поднял флаг старшего на рейде русского морского начальника. С «Боярина» и «Гиляка» к нему направились шлюпки.

Командир «Боярина» Алексеев рассказал Всеволоду Федоровичу, что в Чемульпо ожидает погрузки специальный поезд, на котором нужно немедленно отправить в Сеул охрану и продовольствие для посольства.

— Кажется, война близка, Всеволод Федорович, — грустно сказал Алексеев. — Жена с дочерью хотела приехать на рождество, я написал, чтобы из Петербурга ни ногой, а вчера — телеграмма: ждет меня в Порт-Артуре! Что делать — ума не приложу... Вы уж, голубчик, не тяните с визитом к нашему послу. Он только вас и ждет, чтобы отправить меня в эскадру.

— Почему вы решили, что приближаются боевые действия? Слухов на этот счет много, но ведь нужны доказательства! Вы можете их представить?

— Всеволод Федорович, у меня нюх на хорошую драку! Кроме того, имею точные сведения: японцы скупили у населения все лодки. Перевозят на них с пароходов какие-то ящики и тюки. Прибыло подозрительно много грузчиков-кули, которые всегда сопровождают японскую армию в походах. Их очень легко узнать — носят военную форму без знаков различия и погон... Больше стало и японских войск. Вот вы доставили двадцать казаков, а японцы третьего дня — чтыреста человек! Тоже уверяют, что для охраны своего посольства! Да что там говорить! Вы только на берег сойдите — кинутся к вам чиновники и купцы спрашивать, будут ли русские защищать Корею.

В тот же день Руднев отправился в Сеул к русскому послу Павлову...

...Снег тихо осыпал лес и поле, неслышно ложился на соломенные крыши деревенских изб.

Ветви деревьев в саду отяжелели от ослепительно-чистых тяжелых пластов. Первый снег пах остро и свежо. Так бывает, если он лег на хорошо промерзшую землю — значит, зима пришла.

— Ваше высокоблагородие, подъезжаем, — услышал Всеволод Федорович шепот своего вестового.

— Такой сон спугнул, — Руднев не открывал глаз. — Тихон, а ведь у нас дома зима... Вьюжит, наверное...

— Так точно, ваше высокоблагородие, а здесь и снежку настоящего не понюхаешь... Разве что скоро, говорят, порох нюхать придется.

— Ну, довольно, иди. — Руднев по-прежнему не открывая глаз прислушался к неровному стуку колес.

Начиная с прадеда Семена, отличившегося еще при Петре Великом, Рудневы всегда служили на флоте. Одна из старейших в России флотских династий. Все разговоры в семье — о море, все мысли — о службе. Однако в последнюю неделю Всеволод Федорович все чаще и чаще приказывал себе не думать о том, что ожидает его, и крейсер, и флот в ближайшее время.

Вчера он прямо заявил Павлову:

— Японские транспорты высаживают десант в порту! Прямо на наших глазах! В Чемульпо весь берег завален военными грузами: палатки, полевые кухни, упряжь для кавалерии! Ваше превосходительство, ведь дело к войне с Японией идет!

— Успокойтесь, Всеволод Федорович, — улыбаясь, ответил посол, — все это известно в Петербурге. Давеча я отправил телеграмму в министерство. Вы — военный. Рветесь в эскадру, в Порт-Артур. Но и здесь нужна демонстрация нашей силы. Кто же, как не «Варяг», самый мощный, самый быстроходный крейсер России, покажет нашу силу?

«Самый быстроходный»! Откуда ему знать, что в приказе командующего было сказано: «двигаться в Чемульпо двенадцатиузловым ходом...» Старк, подписывая приказ, помнил, что проклятые подшипники правого вала не позволят двигаться быстрее...

Поезд медленно подходил к деревянному перрону. Показалось неприглядное для европейского глаза здание вокзала — маленький домик с легкой черепичной крышей, углы которого изящно загибались вверх.

— Ваше высокоблагородие, прибыли, — доложил вестовой, приоткрыв двери купе. — Вас их благородие лейтенант Беренс дожидается.

Вошел штурман:

— Всеволод Федорович, сегодня утром японские транспорты и крейсер «Кресси» покинули Чемульпо.

— А у меня новости все те же, — ответил Руднев. — Надобно ждать!

Они вышли из вагона. Руднев предложил пройти к пристани пешком. Офицеры неспешно спустились к морю по узкой улочке. Справа и слева теснились небольшие домики, покрытые черепицей. Встречные корейцы уступали дорогу, сгибались в низком почтительном поклоне.

Навстречу стали попадаться молодые люди. Они несли рыбу. Мелкая — в сетках, средняя — на тонких шестах, продетых сквозь жабры, крупная — в руках, а то и на плече.

— Говорят, раньше здесь был самый богатый рыбный базар на побережье, — заметил Беренс. — Теперь же японцы скупили почти все лодки. Свои джонки¹ остались только у нескольких человек. И те скоро с ними расстанутся...

— Почему? — спросил Руднев. — Неужели так хорошо платят?

— Нет. Просто боятся. Боятся, что когда страну займут японцы, они припомнят этим упрямам их непослушание.

На катерной пристани их встретил мичман Нирод.

— Только что на рейде встал французский крейсер «Паскаль», — весело доложил он. — Командиром на нем мой старый знакомый — граф Сэне. Я ему в Марселе на билиярде семь партий подряд проиграл! Но теперь возьму свое!

— Граф, — оборвал его Руднев, — не могли бы вы с лейтенантом Беренсом нанести визит нашему вице-консулу? Пригласите его сегодня на крейсер к девятнадцати часам. Катер я за вами пришлю. Передайте господину Кудловскому этот пакет из Сеула...

— Кому? — с запинкой переспросил Нирод.

— Нашему вице-консулу, господину Кудловскому, — повторил Руднев. — Да что с вами, мичман?

— Ослышался, Всеволод Федорович... Испоним.

Беренс и граф Нирод подняли руки к фуражкам, провожая глазами отчаливший катер.

Дом вице-консула был расположен на склоне сопки, недалеко от пристани. Он стоял, окруженный невысокими соснами. Перед крыльцом — небольшая клумба.

— Ну и вкус у господина Кудловского, — пробормотал Беренс, — что он, георгины летом выращивает? Когда я читал его статьи, он казался мне умным и значительным.

Едва они вошли в гостиную, навстречу с широкой улыбкой поднялся с кресла невысокий полный человек в халате.

— Входите, входите! — громко заговорил он. — Мы здесь, как видите, без церемоний и докладов. Они уместны в Петербурге! На чужбине я хочу с каждым соотечественником встречаться по-домашнему...

Он взглянул на Нирода и вдруг осекся, застрял с протянутой для рукопожатия рукой.

— Да вы не беспокойтесь, Иван Егорович, — с усмешкой ответил Нирод, — мы и так без церемоний... И чтобы убедить в этом, руки я вам не подам.

Кудловский побледнел.

— Позвольте, позвольте, господа, — заторо-

пился он, чтобы скрыть неловкость, — капитан второго ранга Наита!

Только теперь Беренс и Нирод заметили стоящего в стороне японца в безупречном европейском костюме. Японец коротко поклонился:

— Я имею честь знать господина Нирода.

Граф нарочито удивленно поднял брови.

— Да, да, — продолжал японец, без тени смущения, — мне довелось присутствовать при вашей ссоре в Петербурге. Вы очень горячий человек, господин Нирод.

— А последний раз в Нагасаки вы еще раз убедились в этом, когда я так неловко столкнул вас в канал? — с самым невинным видом спросил Нирод. — Помнится только, что тогда вы были одеты торговцем и целыми днями слонялись у кораблей...

— Я всегда был офицером флота его величества, — спокойно произнес Наита. — В Японии не знают вашей поговорки: «встречают по одежке...» У нас знают — самурай и в набедренной повязке остается самураем...

Мичману не удалось поколебать невозмутимость японца.

— Ну что ж, — задумчиво проговорил Нирод, пристально глядя на Кудловского, — я только строил догадки... Теперь же имею доказательство!

— О чем вы говорите, мичман? — со слезами в голосе завопил вице-консул. — Не забывайте, что господин Наита — представитель дружественной нам державы!

— Оставьте, Кудловский, — жестко сказал Наита, — мичман прав. Скоро это станет ясно всем.

Кудловский полулежал в кресле, мотал головой, словно от зубной боли, и стонал: «Подлецы... Все подлецы!»

— Вы храбрый и честный человек, — почти дружески обратился Наита к Нироду, — мне очень жаль, но я переиграл вас. Вам в Петербурге не поверили, что я — шпион, хотя это действительно было так... Я благодарил бога, что в России мало таких людей, как вы.

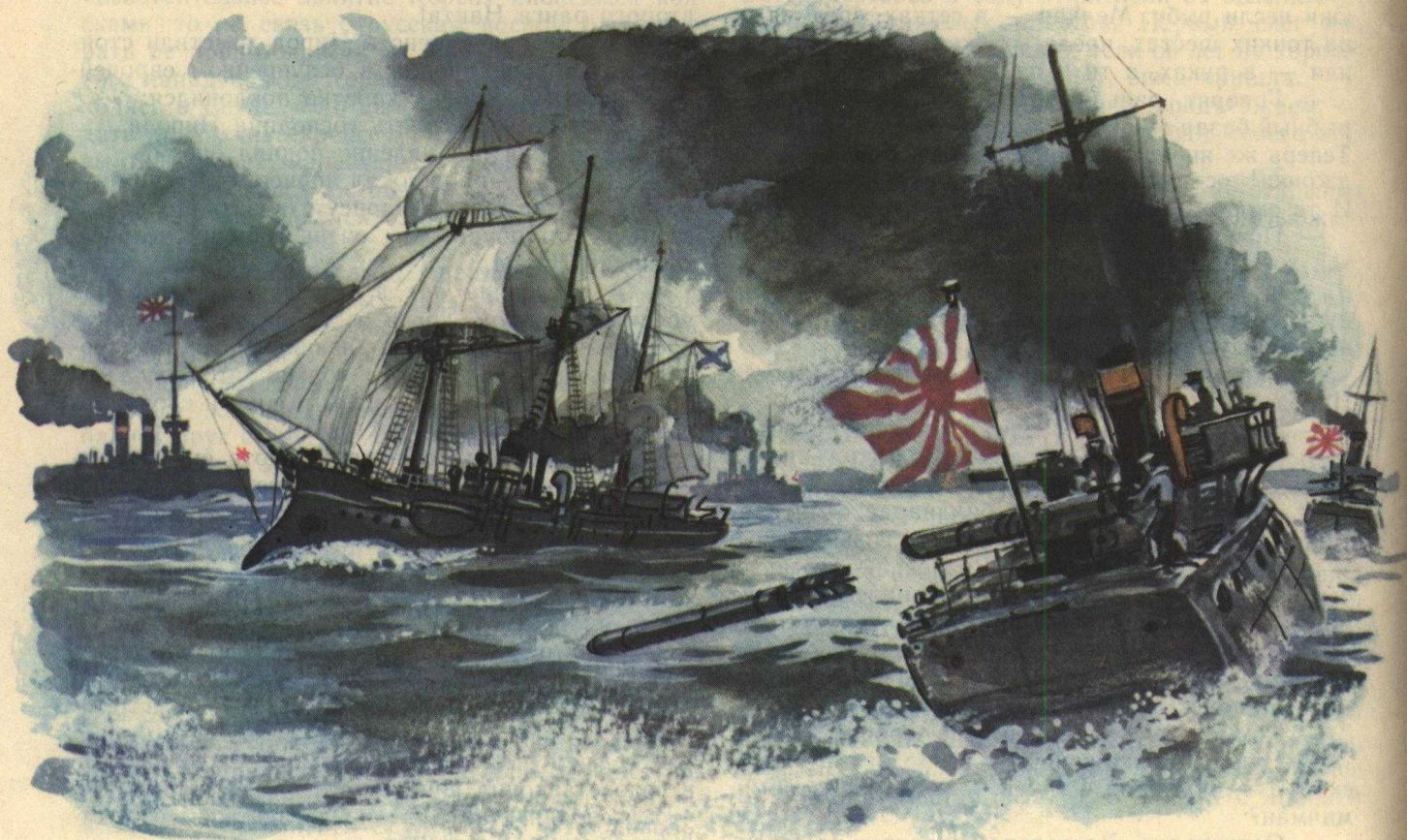
Беренс все понял. Он связал воедино все факты, рассказанные его другом: оскорбление какого-то газетчика в Петербурге, затем японского купчишку в Нагасаки. А сейчас оказалось, что японский фабрикант и дипломат — одно и то же лицо, да еще — разведчик!

Наита еле заметно усмехнулся, поклонился и вышел.

Беренс положил на стол пакет, и они с Ниродом торопливо вышли на улицу. Лейтенанту тоже не хотелось оставаться здесь ни одной лишней минуты.

— Как-то года два назад, — рассказывал мичман Нирод своему другу, пока они торопливо шли к катеру, — я убивал время в одном из столичных салонов. От тоски забрался в полутемную гостиную, покуривал в одиночестве трубку... Через некоторое время туда же вошли два человека. Они о чем-то вполголоса говорили. Один из них был советник посольства Японии Наита, фамилию другого я узнал позже — Кудловский. Наита

¹ Джонка — легкое парусное судно. Используется для перевозки грузов и рыбной ловли.



передал ему конверт. Кудловский принял его неловко, выронил — на пол посыпались деньги! Сотрудник влиятельных столичных газет принимает деньги от советника иностранного посла! Я придрался к какому-то пустяку, надавал Кудловскому по щекам, ожидал вызова на дуэль. Своему командиру я доложил об истинной причине поединка. Бэр чего-то страшно испугался, умчался с кем-то советоваться, вернулся злой как черт, объявил меня под домашним арестом и посоветовал не лезть во внешнюю политику империи... А еще до окончания срока моего ареста Кудловский исчез из Петербурга... И вот — эта встреча!..

Беренс подробно доложил Рудневу о происшедшем. Всеволод Федорович помрачнел:

— Самое неприятное в истории с графом Ниродом, что японец так спокойно открыл всю правду русским офицерам. Он не боится. Его не смущает, что это признание ставит в очень трудное положение японского посла в Петербурге. А это значит, что война — дело решенное...

Прошел месяц. Тревожные события следовали одно за другим. Полностью прекратилась связь с Порт-Артуром. Японскими кораблями был захвачен у берегов Кореи русский коммерческий пароход «Россия». Под контроль японских войск «в целях борьбы с беспорядками» как объясняли свои действия японские дипломаты, были взяты все железные дороги. В городе и на иностранных кораблях ходили упорные слухи о разрыве отно-

шений Японии с Россией, о скором начале военных действий.

Царский посол в Сеуле Павлов на телеграмму Руднева ответил, что слухи о скором начале войны распускаются частными лицами, официальных же сообщений не поступало.

Всеволод Федорович немедленно выехал в Сеул. Встреча с главой русского посольства состоялась на вокзале.

Павлов поначалу сдержанно пытался убеждать капитана первого ранга:

— Помилуйте, дорогой мой, мы с вами живем в двадцатом веке! Последует официальное объявление войны. Мы узнаем об этом раньше Петербурга, и, поверьте мне, в ту же минуту, горячая вы голова, станем действовать. У меня есть точные инструкции на сей счет от министерства.

Затем маленькая старческая ладошка стиснула набалдашник трости, что должно было означать крайнее неудовольствие.

— Предпринятая вами разведка корейского побережья, насколько мне известно, ничего не дала? Высоко ценя ваши несомненные заслуги моряка, я не буду докладывать наместнику о ваших... э-э... сумасбродных желаниях доказать враждебность к нам со стороны Японии. Даже если японский десант действительно высаживался бы на корейском побережье, кто дал вам право рассматривать... приравливать его к враждебному нам десанту. Я сам, голубчик, вот уже неделю не имею сведений из столицы и от наместника,

но такие паузы в нашей работе — не редкость. Поезжайте в Чемульпо. Сейчас, как никогда, нужны терпение и спокойствие!..

Но Руднев все-таки настоял, чтобы в Порт-Артур с донесением об ожидаемой высадке японского десанта немедленно была отправлена канонерская лодка «Кореец».

Скрепя сердце, Павлов продиктовал на телеграфе короткое послание для наместника царя на Дальнем Востоке Алексеева об усложнении обстановки, просил распоряжений.

Едва сойдя с поезда в Чемульпо, Руднев увидел, что на рейде рядом с «Варягом» и «Корейцем» стоят японские крейсера «Нанива», «Чиода», «Аками» и три... нет — четыре миноносца! Ловушка!

Через железнодорожные пути к командиру спешил в сопровождении вооруженных матросов мичман Нирод.

В сопровождении отряда Руднев направился к пристани. Он с удивлением и тревогой оглядывал улицы, заполненные в этот час множеством молодых коротко остриженных людей в штатском.

— Сегодня на берег сошла очередная партия японских «рабочих», — доложил мичман. — А по-моему, и носильщики-кули, и эти рабочие — замаскированный десант... Кроме того, японская эскадра не выпустила канонерскую лодку «Кореец» в Порт-Артур!

— Как не выпустила? — обернулся к нему Руднев. — Какое они имели право!

— Очевидно, право сильного, — ответил мичман. — Они напали на канонерскую лодку у выхода в море. Обошлось, правда, без выстрелов...

— Ну-ка, мичман, доложите подробно.

Оказывается, получив депешу из Сеула, на отправке которой настоял Руднев, командир канонерской лодки тотчас развел пары и вышел в море.

У острова Иодольми он заметил японскую эскадру, корабли двигались навстречу «Корейцу» двумя кильватерными колоннами. Три крейсера, три военных транспорта, восемь миноносцев. На одном из крейсеров развевался вымпел контр-адмирала Уриу. «Кореец» отсалютовал флагу. Японцы не ответили. Крейсера отвернули вправо, миноносцы — влево. Канонерская лодка оказалась между двумя колоннами кораблей. На японских миноносцах были расчехлены орудия. Замыкающий миноносец вышел из строя и преградил курс «Корейцу». Остальные корабли замкнули кольцо вокруг канонерской лодки. Русские пробили боевую тревогу. «Кореец» упрямо шел вперед. Серый борт миноносца был уже близко, когда с другого корабля по канонерской лодке выстрелили самоходной миной. Лодка застопорила ход. Мина прошла в четырех саженях по носу.

Командир канонерки приказал открыть огонь, но тут же отменил свой приказ: русские не хотели дать повод к открытию военных действий! Последовала еще одна минная атака, затем еще. «Кореец», ловко маневрируя, уклонился от вражеских торпед. Русские поняли, что уйти в Порт-Артур им не дадут. Канонерка повернула обратно.

Следом на рейд Чемульпо вошли японские корабли. С транспортов стал высаживаться десант. Миноносцы и крейсера навели свои орудия на «Варяг» и «Кореец»...

— Немедленно к русскому консульству, — приказал Руднев, выслушав рассказ мичмана. Они вошли в дом вице-консула. Руднев прошел в комнату телеграфиста.

— Есть связь с посольством? Передавайте: прошу к аппарату посла. Руднев.

— Его превосходительство посол у аппарата, — доложил телеграфист через несколько минут.

— Японцы не выпустили канонерскую лодку, которая была направлена в Порт-Артур с вашим донесением, — размеренно диктовал Руднев.

— Были ли открыты военные действия? — отступал телеграф.

— Нет. Но японцы вошли в гавань. Мы под прицелом их орудий. На берег высаживается крупный воинский десант. Предлагаю, чтобы оповестить командование в Порт-Артуре, вам немедленно прибыть в Чемульпо. «Варяг» выйдет в море под вашим вымпелом, «Кореец» — под флагом вице-консула. Судя по всему, война еще не объявлена. На корабли под флагом дипломатических представителей напасть не посмеют. Руднев.

— Не имею на сей счет инструкций. Сохраняйте выдержку. Ждите указаний. Павлов.

— Есть ли у вас связь с Петербургом? С Владивостоком? Руднев.

— Нет. Мои депеши пока не доходят. Повреждена линия. Павлов.

— Прошу разрешения от вашего имени заявить протест о нарушении нейтралитета Кореи. Руднев.

— Действуйте только самостоятельно. Павлов.

Руднев не выдержал. Он с силой ударил кулаком по столу. Он мог вести переговоры с контр-адмиралом Уриу только через старшего на рейде английского капитана первого ранга Бейли!

— В чем дело, господа? Что за шум? Вы же знаете, что я болен! — в комнату вошел Кудловский. Лицо помято. Увидев Руднева, он чуть смутился, извинился за свой неофициальный вид, сославшись на болезнь.

— Так чем вы огорчены, Всеволод Федорович? — вновь спросил он.

— Война, господин Кудловский.

— Опять турки зашевелились? — поинтересовался знаток Востока.

— На этот раз — с Японией, — зло ответил Руднев.

Командир «Варяга» отправился на «Тальбот» и заявил протест. Бейли пообещал немедленно передать протест японскому адмиралу. Через несколько минут катер англичан ходко затарахтел, ныряя в мелкой злой волне, устремился к японскому крейсеру «Нанива», над которым развевался флаг адмирала.

Уриу тотчас принял командира английского крейсера. Он без конца улыбался, рассыпался в любезностях. Иногда с шумом втягивал воздух сквозь зубы, что означает у японцев высшую степень восхищения. Бейли был мрачен:

— Имею распоряжение своего адмиралтейства не препятствовать вашим военным действиям против русских, — говорил он. — Однако меня беспокоят два обстоятельства. Первое: если вы намерены напасть на русские корабли здесь, то неизбежно пострадают и другие иностранные суда. Газеты Европы поднимут шум. Вы останетесь в одиночестве. Второе: договор между Британией и Японией секретный, я же здесь вынужден действовать открыто... Значит, указание адмиралтейства буду выполнять лишь в той мере, в какой это не уронит честь офицера и джентльмена.

Бейли сухо откланялся. Уже в дверях адмиральской каюты он обернулся:

— Мое командование просило напомнить вашему превосходительству, что нейтралитет Великобритании на Дальнем Востоке будет благожелательным к Японии...

— Беда в том, — быстро ответил Уриу, — что вы, господин Бейли, больше дипломат, чем военный.

— Я буду точно следовать принятым международным правилам...

— Японцы высоко чтят всяческие условности. Скажем, в чайной церемонии. Жаль, что вы так торопитесь. Я хотел расспросить вас о Трансваале, о войне с бурами... Вы бывали там? Говорят, Англия бросила против бурских фермеров регулярные части? Это не смущает столь строгих в вопросах чести британских джентльменов? Жаль, что вы так спешите...

Дряблые щеки Бейли налились тяжелым румянцем.

Уриу задел англичанина. Бейли был не против того, чтобы Россию хорошенько потрепали. Он только не мог согласиться, когда азиаты били европейцев. Четыре поколения мужчин из рода барона Бейли служили в колониях. Он с детства знал: азиаты и африканцы достойны только презрения. Господин Бейли не мог вежливо разговаривать с азиатом, даже если тот носил адмиральский мундир.

Всю ночь на «Варяге» команда держала котлы под парами. Комендоры дежурили у орудий.

В пять часов утра японские транспорты снялись с якоря и ушли. Затем рейд покинули два миноносца. В семь часов все японские корабли оставили Чемульпо.

В восемь команды русских кораблей построились для подъема флага.

Мичман Нирод, провожая взглядом медленно ползущий вверх флаг, заметил, что к «Варягу» направляется вельбот с французского крейсера.

«Минуты две ходу, — прикинул он. — Значит, развод произвести успеем. Не встречать же француза всем экипажем. Матросы и так устали».

— Вольно! Разойдись!

Мичман неторопливо зашагал на ют. У трапа следовало появиться в ту же секунду, когда шлюпка подойдет к борту. Бросить руку к фуражке в одно мгновение с визитером, приветствующим флаг корабля. Детали незначительные, но именно они определяют, насколько хороша служба на крейсере.

По трапу поднялся командир «Паскаля» капитан второго ранга Сэне, за ним — молоденький лейтенант. Лицо его покрывала зеленоватая бледность. Нирод встретился с ним взглядом. И вдруг мичмана охватило какое-то предчувствие надвигающейся беды. Сердце в груди на миг замерло, потом тяжело и редко забило.

Он машинально делал все, что полагалось в таких случаях: постучал в дверь каюты, доложил о визите, отступил на шаг в сторону, пропуская гостей, четко повернулся и вышел.

Уже стоя на верхней палубе, Алексей попытался понять, отчего его охватила такая тревога...

— Ваше благородие, их высокоблагородие командиры корабля к себе требуют!

Всеволод Федорович читал какой-то документ. Напротив в напряженных позах застыли в креслах гости.

— Граф, — спокойно и размеренно начал Руднев, — ведь теперь ваша вахта?

— Моя, Всеволод Федорович.

— Нам послан ультиматум японского адмирала Уриу. В нем говорится, что между Россией и Японией началась война. «Варягу» и канонерской лодке предложено сегодня до полудня покинуть Чемульпо. В противном случае сюда войдут японские корабли и расстреляют нас на якоре.

— Играть боевую тревогу? — мичман даже повеселел. Закончилось томительное ожидание. Теперь все предельно ясно — предстоит бой!

— Не горячитесь. Я отправлюсь на «Тальбот». Попробую решить дело миром. У господина Сэне есть связь с Шанхаем, а у Шанхая с Петербургом. Сообщений об объявлении войны не поступало. Быть может, Уриу торопится, делает это на свой страх и риск. Попробую осадить молодца. Я приказал готовить корабль к бою. Каюткомпанию занять под лазарет. Все, что способно гореть — за борт!

В десять Руднев вернулся на крейсер и приказал немедленно собрать офицеров «Варяга» и «Корейца».

— Сегодня нами получен ультиматум японского адмирала Уриу о том, — начал он, — что между Россией и Японией начались неприязненные действия. Нам предложено до полудня покинуть Чемульпо. В противном случае неприятельская эскадра войдет в гавань. Мы можем принять бой и здесь, но в таком случае пострадают мирные корабли. Меня предупредили, что военные иностранные суда уйдут из Чемульпо, чтобы не подвергаться опасности. Мой протест о том, что таким образом грубо нарушается нейтралитет Кореи, в порту которой мы находимся, поддержан капитаном первого ранга Бейли для вида. Он дал мне понять, что ссориться с японцами его правительство не намерено.

О предложении сдать корабли я упоминаю только для того, чтобы вы точно знали содержание ультиматума. Считаю, что предложение о сдаче обсуждаться не будет. По флотской традиции — прошу вас изложить свое мнение. Начните вы, Губонин.

Руднев был спокоен и собран. Очевидно он уже принял решение.

— Думаю, что мы должны принять бой. Но не на рейде. За своих комендоров я спокоен, стреляют они точно, но японцы могут в суматохе и по городу ударить!

Остальные поддержали Губонина.

Руднев встал:

— Приказываю! Корабли примут бой с любым по численности противником. Чтобы у неприятеля ни на минуту не возникло сомнения в нашей решимости драться, поставить к флагу храбрейшего из матросов. Передайте ему мой строжайший приказ — под огонь не вылезать, внимательно следить за флагом — если собьют, немедленно поднять новый! Ревизор-мичману занять пост в пороховом погребе. В случае угрозы захвата корабля — взорвать крейсер! Остальные свои обязанности знают. Старший офицер, постройте команду!

Окончание следует

Через десять минут команда крейсера замерла на шканцах. Всеволод Федорович обошел строй.

— Матросы! Японцы начали против России военные действия! Нам они предложили сдачу! Надеются получить в подарок наш «Варяг», чтобы потом из его же пушек расстреливать русские корабли в Порт-Артуре или Владивостоке. Офицеры корабля приняли решение дать неприятелю бой! Мы идем на прорыв и вступим в бой с эскадрой, как бы она сильна ни была. Мы не сдадим кораблей и будем сражаться до последней возможности, до последней капли крови. Исполняйте ваши обязанности точно, спокойно, не торопясь, особенно комендоры. Помните — каждый снаряд должен нанести вред неприятелю! У нас в лазарете трое больных. Я распорядился перевести их в госпиталь Красного Креста в Чемульпо. Там они будут в безопасности!

Старший офицер сделал шаг к командиру, сказал вполголоса:

— Уже сутки больных на крейсере нет. Сбежали в свои роты.

Руднев коротко кивнул, потом сказал:

— Командуйте.

— Разойдись! По местам стоять, корабль к бою и походу готовить!

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

ПЕСЕНКА ТРАМВАЯ

— Трамвай, трамвай,
Куда же ты спешишь?
— Бегу к своим друзьям!
Они меня стоят и ждут
И здесь, и тут, и там.

Вдали мелькнет
Бульварное кольцо —
Я знаю свой маршрут!
Везде меня стоят и ждут
И здесь, и там, и тут!

Алла Купцова,
3 класс,
Москва



ВСТРЕЧА В ЛЕСУ

Раз мы с мамой в лес пошли,
Встретили там деда.
До поляны добрались,
Началась беседа.

Дед — охотник, он с ружьем.
В елях вьюга злится.
А у деда в бороде
Иней серебрится.

Дед нам рассказал о многом,
Как зверье в лесу живет:
О лисицах и сороках,
О медведе, что в берлоге
Лапу все свою сосет.

Света Тазетденова,
Оренбург

ЗИМНЕЕ УТРО

Плывет в морозном тумане,
В синем и розоватом,
Над побеленными крышами,
Большое солнце лохматое,
Как львиная грива, рыжее.

Вдруг брызнуло желтым пламенем
На эти белые крыши,
Закапало светом, оттаяло,
Большое солнце лохматое,
Как львиная грива, рыжее.

Таня Слепова,
7 класс,
Ленинград

СКАЛОЛАЗЫ

Начало смотри на странице 1

Теперь каждый из них будет работать на отдельной веревке. Свою веревку закрепляю на сосне еще правее по склону. Застраховываем и перфоратор. Спускаюсь по веревке со своим напарником.

Олег, дергая шнур, с третьей попытки заводит мотор перфоратора. Тарахтенье и выхлопы, словно работает бензопила «Дружба». Правда, перфоратор потяжелее. А когда, стуча в скалу и вращаясь, начинает вгрызаться в породу его штанга¹, то шум стоит невообразимый. Столбом стоит каменная пыль. Невысокий коренастый Саня висит на «беседке» спиной к обрыву, грудью наваливаясь на перфоратор. Олег поддерживает перфоратор и упирает ногу в скалу, создавая опору для штанги — чтоб она не съезжала и не гуляла по камню, пока не вгрызется как следует. За спиной у Сани — зеленый Енисей, тайга, снежные горы массива Борус. Под ногами у нас — шоссе, по которому идут грузы на плотину и рядом с ним — ниточка железной дороги. Висим на веревках на высоте трех десятиэтажных домов, поставленных друг на друга. Задача наша — защитить от падающих камней эти транспортные артерии Саяно-Шушенской ГЭС...

Вишу на «беседке». Как живой, бьется в моих руках, сопротивляется двадцатичетырехкилограммовый перфоратор. Давить на него помогает Олег. Чем сильнее давишь, тем быстрее идет бурение. Олег высок, сухощав, жилист. Молодой — всего 24 года. Коренной сибиряк, красноярец, кандидат в мастера спорта по скалолазанию.

Глохнет мотор: кончилось горючее. Приношу посудину

с бензином, заливаю бак. Едва успеваю застраховать на полочке, как откуда-то сверху беззвучно прилетает небольшой змущек и на левой кисти моей моментально вздувается шишка.

Олег. Снова летит из-под шта и каменная пыль. Стоп! Перфоратор греется. И машина нужна передышка. Глушим мотор. Весь день гудят под нами «жуки» под названием МАЗы, КраЗы, БелАЗы — везут грузы на плотину. Нам кричат снизу — зовут на обед. Друзья наши уже что-то сварганили на костре.

Отвязываю свою веревку. Закрепляю на сосне. Ухожу на сорок метров ниже, на каменную полку. Следом, по моей веревке, спускаются и Саня с Олегом. На полке закрепляем еще одну спусковую веревку. До земли — всего один пятидесятиметровый спуск «дюльфером»¹. Парю в воздухе как птичка, отталкиваясь ногами от скалы. Чуть превышаю скорость спуска и даже через брезентовую рукавицу обжигаю веревкой левую ладонь.

Как приятно стоять на твердой, неподвижной земле!

Карим Гайсин — молодой веселый татарин — угощает нас супом, чаем.

Едва успеваем допить чай, как раздается крик: «Взрывники приехали!» Спускаемся по осыпи к шоссе. Здесь стоит грузовик с красной полосой на борту. Начинаем таскать наверх, под стену, тяжелые коробки со взрывчаткой.

Ко мне подходит невысокий смуглый парень с сосредоточенным лицом — начальник службы горной безопасности Володя Касьянов.

— Тебе приходилось работать со взрывчаткой?

— Нет, — отвечаю, — никогда.

— Поработаем вместе, покажу, может, еще пригодится.

И мы лезем с ним к нависающему камню, напоминающему своими очертаниями че-

ловеческую голову. Идем по навешенным веревкам со схватывающим узлом. Спутник мой немногословен, да и о чем говорить — смотрю, что делает он, и повторяю.

Перейдя по склону влево, спускаемся по закрепленной веревке. Сверху то и дело сыплются камушки. Цокают и цокают. И эти звуки мне не нравятся. Гоша Сластников подтаскивает снизу бухту ДШ, — так называют скалолазы детонирующий шнур. Конец его Володя привязывает к своему поясу и продолжает двигаться влево. Я выдаю шнур, чтоб он не цеплялся за скалы. Гоша разматывает бухту.

— Михалыч, закрепись и выдай побольше веревки, — кричит Володя, — сейчас пойду «маятником»¹. Смотри, чтоб не сдернул тебя.

Нахожу надежную опору для левой ноги. Протягиваю веревку через свой схватывающий узел. Володя подошел к гладкой отвесной плите. Стоит. Ждет. Сейчас он оттолкнется от стены и полетит по дуге влево. Мы с ним «сидим» на одной веревке и, если он сдернет меня, то повиснем, как две сардельки.

— Хорош, — одобряет он. — Я пошел.

Отталкивается и летит «маятником» влево. Ловит зацепку и останавливается, прилипает к скале. Я подхожу к плите, отталкиваюсь и тоже лечу влево, через провал. Нормально. Я уже рядом с Володей.

— Пстой, Михалыч. Нырну вниз.

Он катится на схватывающем к скальной полке и там останавливается. Спускаюсь к нему. Мы находимся в пазухе, слева от нашей «головы». Здесь не дует. И даже тепло. Володя уходит под «голову», осматривая широкую трещину. Тянет за собой ДШ. На перемышке над нами стоит Гоша, продолжая разматывать бухту. Он застрахован на другом конце закрепленной веревки.

¹ Бур.

¹ Способ спуска на закрепленной веревке.

¹ Способ передвижения по скалам с использованием веревки, закрепленной сверху.



Парни уже принесли ему взрывчатку. Таскают и таскают, как дрова.

— Михалыч, лови! — кричит Гоша.

Плоский трехкилограммовый пакет летит мне в руки, бьет по ладоням довольно чувствительно. Мне кажется, что если я не поймаю и пакет ударится о скалу, — будет взрыв. Ловлю надежно, на живот, по-яшински. Кладу его на полку, поближе к скале. Один за другим летят сверху пакеты и укладываются стопочкой в угол ниши. Ловлю я нормально. В пионерлагере играл когда-то на воротах. Человек ничего не забывает. И все когда-то пригодится. Лишь бы Гоша не промазал, не задел пакетом об стену.

И точно — последний пакет летит неудачно, кувыркается в воздухе и, коснувшись моих ладоней, ударяется о стену. Упаковочная бумага лопаается, но ничего страшного не происходит. Под ноги мне валится десять колбасок с надписью «Аммонит». Это — патроны. Гляжу на них с опаской.

— Хочешь посмотреть, что внутри? — улыбнувшись, спрашивает поднявшийся ко мне Володя.

Лезвием складного ножа он лихо взрезает одну из колбасок. Белая мука сыплется мне

на брючину. На всякий случай отряхиваюсь. Володя отрезает кусок шнура (детонирующего!), словно шпагатом обматывает им пакет колбасок и на том же розовом шнуре спускает «подарочек» в щель между монолитной скалой и «камушком».

— Чтоб взрыв был нормальным, обвязывать надо вот так, под прямым углом.

Ловко, словно упаковщица на почте, перехватывает Володя детонирующим шнуром крест-накрест пакеты патронов. Тем же ДШ он связывает свои «бандерольки» между собой, запиная их поглубже в трещину.

Снова уходит он вниз, под «голову», а я курсирую на схватывающем по веревке вверх-вниз, подтаскивая ему пакеты с аммонитом.

— Готово, — говорит Володя.

Только теперь гляжу с нашего «камня» вниз. Енисей под нами раздваивается. Напротив — большой широкий остров с худосочной тайгой.

Слева от нас точно так же обрабатывают скалолазы другой «камень». Взрывники греются внизу у костра. Лазать на скалы — не их дело. У них — свои заботы.

Камушек наш «заряжен». Пора сматываться. Снимаем со

стены и уносим вниз все веревки. На стене уже никого.

Знакомлюсь с веселым молоденьким взрывником Валерой. Разглядываю его «адскую машинку», расспрашиваю о принципе действия.

— Если любопытно, оставайся со мной. Залезем вон в ту штольню и рванем.

— Да нет уж, как-нибудь в другой раз, — отвечаю я, решив уносить ноги подальше, как все мои друзья-скалолазы.

Взрывник Валера сосредоточенно, с сознанием своей незаменимости, соединяет детонирующие шнуры от всех «заряженных» камушков. Готовится. Прикидывает.

Мы садимся в свой грузовик. В последний раз оборачиваюсь к нашей каменной «голове», стараясь запомнить ее очертания. Разъезжаемся на двух машинах (мы и взрывники) в обе стороны шоссе на 500 метров от места взрыва. Перекрываем движение. Тем же самым на насыпи наверху занимаются железнодорожники. Бригадир скалолазов Борис Беленький стоит посреди шоссе с красным флажком в руке. Рядом с ним — Володя Касьянов с ракетницей. Тормозит первый грузовик, за ним — другой, третий... И вот уже вытягивается в цепочку длинная очередь машин. Никто не сигналист, не нервничает, не спешит. Со взрывом не шутят.

Володя смотрит на часы, поднимает ракетницу. Шипя, взмывает в небо желтая ракета, за ней — после паузы — красная. Над скалами повисает черное облако. Лишь потом доносится гул взрыва.

Зеленая ракета — отбой!

Вскакиваем в машину. Спешим к месту взрыва. Шоссе усеяно обломками камня. Тлет забитый костерок. Каменной «головы» как не бывало. На ее месте — монолитная желтоватая скала.

Путь свободен. С этой стены уже не обвалятся камни на дорогу. Все, что могло обрушиться — уже обрушилось. Рабочий день окончен. ЛЕНИНГРАД — САЯНОГОРСК

ЖУРНАЛ
ЮНКРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ



Пионеры всей страны делу Ленина верны!

ТЫ-ПЯТИЛЕТКЕ



*Засты из дружин
и отрядов*

Самое главное в дружине — это Пятилетка трудовых пионерских дел. Как мы ее выполняем? Думаю, выполняем хорошо. Прошлой весной собрали 36 кг березовых и сосновых почек. Летом трудились на току — сушили и сортировали зерно. Осенью занимались переборкой картофеля. И не было случая, чтобы кто-то отлынивал от работы. Ребята у нас дружные и трудолюбивые. А Коля Фатеев и Олег Строчков на уборке урожая работали помощниками комбайнеров, вместе со своими отцами. Так в совхозе появились первые семейные экипажи механизаторов.

Слава Базин,
член совета дружины
Мосоловской средней школы
Рязанской области

По улицам нашего города ходят трамваи и автобусы, которые сделаны из пионерского металла. А сейчас все дружины участвуют в операции «Уренгой». Первые тонны металлолома уже отправлены на металлургический комбинат имени В. И. Ленина.

*Городской пионерский штаб
Магнитогорска*

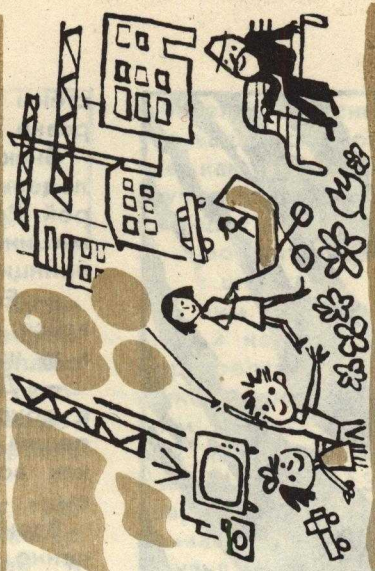
За первые две недели операции «Миллион — Родине» пионеры и октябрята собрали более 300 кг макулатуры. Лучшее всех поработал горнист дружины Алеша Донцов. Он один собрал целых 50 кг!

*Совет дружины
Черкасской средней школы № 6
Орловской области*

ТЕБЕ — ПЯТИЛЕТКА

В XI пятилетке намечается построить 530—540 миллионов квадратных метров жилья. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих увеличится на 13—16 процентов, а колхозников на 20—22 процента.

За счет усиления государственной помощи имеющим детей, и повышения пенсий возрастут доходы примерно у 50 миллионов советских граждан.



РОДИНА

Есть пословица: «Родина — мать, умей за нее постоять!» Мама и папа, дом, улица, школа, поле и цветы, вся необъятная страна от края и до края — все это и есть наша Родина.

Ее защищал на войне мой дедушка, а брат сейчас — солдат. Когда я вырасту, буду трактористом, как отец. Буду пахать и сеять. А в армии стану танкистом — тоже как отец.

Фархад Абдуллаев,
6 класс,
школа № 10,
Ургенч Узбекской ССР

Мой Миллион

Люблю тебя, родной кишлак,
Горжусь тобой не зря,
Я знаю, что расцвел ты так
Под солнцем Октября.

Под этим солнцем твой народ
Трудился много лет.
И белым золотом зовет
Твой хлопок целый свет.

Зияда Алламжуратова,
Караузякский район
Каракалпакской АССР

СЛУШАЙТЕ
ВСЕ!

По решению ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина красные следопыты всех городов и поселков нашей страны проводят экспедицию «Летопись Великой Отечественной» и операцию «Пионерская слава», посвященную 60-летию со дня рождения пионери.

«Барабан» получил первые сообщения о следопытских находках. А делегат VIII Всесоюзного пионерского слета Неля Мухина в своем письме посоветовала «Барабану» открыть новую рубрику «Полевая почта следопытов», где печатать самые интересные материалы.

Предложение Нели Мухиной принимаем!

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА СЛЕДОПЫТОВ

Однажды мой папа ехал в больницу. По дороге решил подвезти до райцентра незнакомого человека. Тот сел в машину и первым делом спросил: «Откуда едете?» Папа ответил: «Из Коренева». Незнакомец сказал: «Знаю Коренево, был в нем во время войны, когда поселок был занят фашистами». Папа говорит: «Как? Каким образом?» Тот стал рассказывать, и выяснилось удивительная история. Николай Борисович Игнатьев,

с которым случайно познакомился папа, в годы войны с фашистами был разведчиком. И перед наступлением Советской Армии был послан в наш поселок с заданием: разведать силы противника. Но самое удивительное даже не в этом. Дело в том, что наблюдательный пункт он оборудовал в доме, в котором мы сейчас живем. И бабушка Шура, наша соседка, помнила этот случай.

А через несколько дней следопыты нашей школы торжественно встречали отважного разведчика и кавалера многих правительственных наград. Мы подробно записали его рассказ, который теперь хранится в нашей копилке следопытских находок.

Неля Мухина,
заместитель командира следопытского отряда «Факел» школы № 2,
Коренево Курской области

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ОТРЯДА

Этот праздник мы начинаем своей отрядной песней — «О юном барабанщике». Затем проводим линейку, на которой каждое звено отчитывается о проделанной работе. И, конечно, здесь мы рассказываем о том, что нового узнали об Александре Матросове. Ведь его имя носит наш отряд. А после линейки — концерт художественной самодеятельности и обед праздничный.

Многие ребята говорят: «Вот бы так — каждый день, чтобы всем было интересно». Но так почему-то не получается.

Зина Исаева,
школа № 1 города Тетюши
Татарской АССР



Дорогой «Барабан»! Посылаю тебе фотографию, которую мне подарил мой папа. Он хочет, чтобы я был следопытом. Он сказал, что эта фотография сделана в 1944 году и на ней юные партизаны Ленинградской области. А еще он

сказал, что когда учился в школе, то очень хотел узнать их имена и фамилии и о подвигах, которые они совершили.

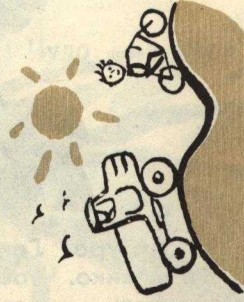
Леша Рябков,
4 класс,
школа № 523,
Пушкин

Учитель:
— Кто такие кочевники?
Ученик:
— Это люди, которые ездят по кочкам.

Петя Еланов,
село Ново-Никольское,
Иркутская область

Учитель:
— Какие города ты знаешь?
Первоклассница:
— Псков, Новгород, Командировка...
Учитель:
— Но такого города нет!
Первоклассница:
— Есть! Мой папа туда ездил.

Прислал
Вова Плетнев,
Нижний Тагил





У нас друзья на всей планете!

Артуро-красный голубь



Артуро Гонсалес родился в Мехико. Чтобы хоть сколько-нибудь сориентироваться, пытаюсь подробно расспросить — через переводчика, конечно, — в каком районе города находится его дом. В центре? На окраине? Пусть он опишет это место. И вдруг замечаю, как начинает нервничать от этих вопросов Юдит Байярдо. Она тоже из Мехико, из того же объединения ребят, что и Артуро. Потом она быстро говорит что-то переводчику в сторонке, пока Артуро записывает в блокнот очередной адрес для дружеской переписки. А я узнаю, что с тех пор, как умер отец, Артуро живет у всех родственников по очереди. Постоянного дома у него нет, и школы тоже меняются. Постоянными остаются друзья, которые ждут его каждую субботу в Испанском парке с 10 до 2-х часов дня на сборе отряда. Он старается не пропускать ни одной субботы.

— Что же так привлекает тебя в этом отряде? — спросили мы с переводчиком.

— Мне нравится, что дети, когда они объединяются, тоже становятся большой силой...

— Как это?

— Ну, например, мы каждый год устраиваем ярмарки.

Юдит умеет делать очень красивые сувениры из соломки, бумаги, проволоки. Другие ребята — тоже что-то мастерят. Девочки готовят вкусные блюда. Вырученных денег хватает, чтобы арендовать летний лагерь. Мы часто помогаем детям, у которых в семье беда. Каждый приносит мелочь, а получается значительная сумма.

Юдит рассказала потом, что однажды ребята вот так же хотели помочь Артуро. Заметили, что ботинки у него совсем истрепались. Но в это время шел сбор тетрадок, карандашей, книг для детей Никарагуа. В таких случаях никто не остается равнодушным. В назначенный день Артуро принес новенький портфель, набитый школьными принадлежностями. «Откуда?» — удивились ребята. «Рафаэль взял меня с собой на картонную фабрику. Я сам заработал это!» — радостно ответил Артуро. Он так гордился своей самостоятельностью, что ребята поняли: помощь ему — не ботинки купить, а найти подходящий заработок.

На белых майках у мексиканских ребят — простенькая эмблема: голубь, нарисованный детской рукой, и три слова: ответственность, работа,

радость. Организация называется Национальный детский союз.

— Кто придумал эмблему? — спросили мы.

— Сами ребята! — ответил Артуро. — Детскому союзу уже четвертый год. Сначала эмблему по детским проектам нарисовал взрослый художник. Все посмотрели и решили, что раз союз детский, пусть дети рисуют сами. Правда, хорошо получилось? Четырехлетняя девочка рисовала!

Оказывается, в Национальный детский союз принимают все ребята, начиная с четырех лет. И самых маленьких (с 4 до 6 лет) называют «голубые голубки». Потом, с 7 лет до 9 они становятся «зелеными голубками». С 9 до 11 лет — «желтыми», потом «оранжевыми», а самые старшие, как Артуро, Юдит — это «красные голубки». Младшие, в основном, играют, ходят на экскурсии в музей. Старшие уже разбираются в политике и под руководством своих вожатых проводят такие серьезные акции, как манифестация за создание детского парка в Мехико. Пока в этом городе такого парка еще нет. Но если дети будут настойчиво добиваться, чтобы его открыли, они победят. Артуро убежден в этом.

Н. ПИЖУРИНА

ЗИМНИЙ САД

Виталие ФИЛИПП

Одинокие деревья
Спят под сонным снегопадом.
Где вы, яблоки и вишни?
Где корзины с виноградом?

Все плоды теперь — в чулане,
Стала осень — маскарадом:
Сливы — в банках с маринадом,
Груши — в банках с мармеладом.

Праздник ягодный, фруктовый —
Все опять друг с другом рядом!..
Пробираемся чуланом,
Как ночным осенним садом.

СТИХИ ПОЭТОВ СОВЕТСКОЙ МОЛДАВИИ

ЗЯБЛИК

Валентин РОШКА

— Чую! Чую! В мире — чудо!
Небо — всюду!
Солнце — всюду!

Это зяблик на сосне
Распевает по весне.

Счастлив, что бегут ручьишки.
Счастлив, что кричат мальчишки.

Счастлив, что так много сил
Он сберег и сохранил.

Солнце — ярче!
Небо — шире!
— Чую! Чую! Чудо — в мире!..

ОВСЯНКИ

Валентин РОШКА

Овсяночки-овсянки,
Насыплю вам овсянки
В кормушки под окном.
Уже лежат во мраке
Долины и овраги,
Метель стучится в дом.

С ветвей холодных, крошки,
Клевать зерно и крошки
Сюда летите, к нам!
Не стойте же в сторонке,
Мальчишки и девчонки, —
Пора помочь друзьям!

Зима снега надела —
На доброту, на дело
Пришла нас испытать.
В саду оставим санки...
Овсяночки-овсянки,
Летите к нам опять!

ВКУСНЕЕ В МИРЕ НЕТ

Филипп МИРОНОВ

Когда плывет над рожью
Дыханье ветерка,
Нет ничего дороже
Качанья стебелька.

Когда взойдут на ниве
Колосья-усачи,
Нет ничего красивей,
Чем шепот их в ночи.

Когда же мама режет
Краюшку на обед, —
Краюшки этой свежей
Вкуснее в мире нет!

Перевел с молдавского
М. ЯСНОВ

Чапаевские орлята

Владимир РАЗУМНЕВИЧ

Рисунок В. Лебедева

Приятно встретить в дороге земляка. Обязательно найдется, что вспомнить, о чем поговорить. Мне повезло. Путь из Куйбышева в Балаково я коротал на теплоходе «Козьма Минин» с Иваном Александровичем Шустовым. Мы с ним земляки — из одного села Сулака, что в нескольких километрах от Балакова. Не раз встречались прежде, и вот уже много лет переписываемся. В родном селе, в школьном музее боевой славы я видел его личные вещи — красноармейскую гимнастерку, френтовую шапку-ушанку и портупею. Иван Александрович подарил все это ребятам, чтобы они знали, как во время войны одевались солдаты. Он давно живет в дружбе с детьми — проводит в школах беседы о боевых традициях Советской Армии, рассказывает о революционной чапаевской славе земляков своих. Вот и на этот раз он возвращался домой после встречи с куйбышевскими пионерами.

Встреча прошла, судя по всему, торжественно — Иван Александрович был в приподнятом настроении, принаряженный, при орденах и медалях. Выше всех наград на груди — орден Ленина. Иван Александрович получил его за мужество, проявленное во время штурма Берлина.

— Должно быть, — предположил я, — в школе проходила встреча с участниками Великой Отечественной войны.

— А вот и не угадали, — улыбнулся в ответ Иван Александрович. — Пионеры на этот раз позвали к себе людей постарше, «орлят Чапая» — так они в пригласительном билете известили. Признаться, я не ожидал, что так много народу на приглашение откликнется — столько лет с той, гражданской, прошло! Думал, мало кто в живых уцелел. Но пришло человек двадцать. Седые все, каждому за семьдесят, а то и больше. Какими же они к Чапаеву в дивизию пришли? Надо понимать, им было так по тринадцать — пятнадцать лет. А ведь существовал строгий чапаевский запрет — подростков в дивизию не пропускать. Но они проникали туда хитрым способом. Одни, те, что ростом повыше, надбавляли себе лишних два-три годика. Другие же, сбежав на фронт от родителей, убеждали начдива, что им, «сиротинушкам», податься будто бы некуда, окромя как в чапаевскую дивизию. Знали: Чапаев сирот особо привечал, в беде не оставлял. Третьи, наиболее смекалистые, просились в разведку, ибо понимали — на войне без юных разведчиков не обойтись: они и родную местность до кустика изучили, и неприятель к ним, малолетним, не столь подозрительно относится. Дадут мальчишкам задание в неприятельский тыл сходить, а они потом ни в какую из дивизии отлучаться

не желают. Вот и получилось так, что в некоторых полках дивизии образовались целые отряды из подростков-разведчиков. Они безбоязненно шастали по лесам и степи, городам и селениям, добывали о белогвардейском воинстве ценнейшие сведения и тем самым помогали Чапаеву нанести по врагу неожиданные, сокрушительные удары. Лихие были парнишки! Помнишь землячка нашего чапаенка Петьку Козлова?

— Как не помнить! — ответил я. — Последние годы он в Москве жил поблизости от меня, на улице Королева. С Петром Федоровичем Козловым мы частенько встречались, в гости друг к другу хаживали.

— А мы с Петькой в детстве друзьями были, — сказал улыбаясь Иван Александрович. — Моложе его не было, пожалуй, никого в чапаевской разведке.

Я показал Шустову снимок, подаренный мне Петром Федоровичем. Он заснят вместе со своим приятелем:

— Узнаете?

— Еще бы! — живо отозвался Шустов. — Это — Петька, а это — дружок его Ванюшка Ратанов. Сразу узнал.

Он долго и пристально разглядывал снимок. Стоят два чапаевца, Петр и Иван. Глаза широко распахнуты. Ребята напустили на себя строгость, изо всех сил стараются казаться старше своих лет. Да где там! Припухлые, нежные лица совсем еще детские, шеи по-цыплячьи тонкие. Ванюшка военную фуражку со слюдяным козырьком набекрень сдвинул, руку за борт шинели заел. Герой героем! А шинель-то аж до самых пят; в ботинок можно не одну, а две такие, как у него, ноги засунуть. Огромнейшие ботинки, на толстой подошве. В таких шагать да шагать... Вот он и шагал. До полной победы над Колчаком шагал. А потом белые бандиты в смертельной схватке его ранили и, озверев, на части порубили...

Петр Федорович частенько вспоминал Ваню Ратанова, рассказывал, как он в чапаевской дивизии оказался.

Весной дело было. Перед походом на Уральск. Пристроился он в хвост отряда, когда чапаевцы через степь шли. Куда они, туда и он. Ни на шаг не отставал.

Однажды Чапаев увидел его в красноармейском строю. Плечи узкие, белобрысые вихры изпод фуражки торчат, ростом на две головы ниже других в красноармейском ряду.

— Кто такой? — строго спросил Чапаев.

Парнишка поднялся на цыпочки и писклявым голосом отрапортовал:

— Чапаевский боец Ратанов!

— Ишь ты, «чапаевский боец»... А зовут?

— Ванюшка!

По усам Чапаева пробежала ухмылка:

— Сколько же тебе стукнуло, Ванюшка?

— Семнадцать!

— Ой, ли? Ври, малец, да знай меру!

— Ше-ше-шестнадцать, — уже менее решительно, с заиканием ответил тот.

— А точнее?

— Пятнадцать с половинкой...

— Половинку побереги на развод. А пятнадцать, може, и наберется.

— Пока всю, какая есть, контру не доконаем, домой не вернусь! — твердо произнес Ваня. — Я себе клятву дал такую!

— Ну, коли такая клятва... — Чапаев понимающе подмигнул ему. — Оставайся, хитрец, в армии! Авось повзрослеешь.

Вечером Ваня собрал хуторских мальчишек во дворе опустевшей помещичьей усадьбы, взобрался на борону возле забора и спросил:

— Хотите Чапаю помочь?

— Так ведь нас в армию не принимают, — зашумели мальчишки.

— Примут! — Ваня решительно шмыгнул носом. — Я поговорю с кем надо. Пока мы на хуторе — считайте, что и вы — чапаевцы.

— А что делать-то надо?

— Для начала тащите бороны в степь.

— Зачем? Боронить? Так ведь запоздали...

— Не боронить, а казакам бороды расчесывать!

Все бороны, какие нашлись в хозяйстве помещика, мальчишки вынесли за околицу и свалили на обочине дороги.

— Маловато, — почесал затылок Ваня. — Надо бы еще.

— А если по дворам собрать?

— Волоките! Только, чур, чтобы никто не видел...

Весь день хлопотали мальчишки возле тяжелых борон, облепляли их, как муравьи, со всех сторон, тянули за хутор и бросали в бурьян. К вечеру там оказались и старые, с поредевшими зубьями решетчатые бороны, и коленчатые, с ржавыми, изогнутыми во все стороны звеньями, и деревянные, с суковатыми лесинами на жерди.

Ваня остался доволен. С помощью мальчишек он разбросал бороны по степи, повернул их зубьями вверх. Все подходы к хутору загородили. Чтобы торчащие зубья не были заметны, набросали травы поверх, а на дорогах посыпали еще и пылью. Со стороны посмотришь — вроде бы и ничего опасного. Но попробуй шагнуть — ого! Не поздоровится!

Утром, пока мальчишки, уставшие от дневной работы, еще спали, к хутору приблизился конный отряд. Белоказики надеялись на легкую победу: разведка донесла, что чапаевцев в Михайловском мало, им не удержать хутора.

Сверкнули клинки. Пыль взметнулась над гудящей землей.



Юные чапаевцы Петя Козлов
и Ваня Ратанов (справа). 1919 год

Иноходец, скакавший впереди, вдруг запнулся, захрипел дико и встал на дыбы. Седока трянуло. Он вывалился из седла.

Кони застревали копытами в железных решетках, озверело рвали поводья, крутились на месте. Разгоряченные атакой казаки не соображали, в чем дело, резали шпорами взмыленные лошадиные бока. Офицер, осадив коня, крикнул:

— Назад, ловушки!

Всадники, боязливо озираясь, обогнули опасные места и стали пробираться к околице.

И тут из оврага ударил пулемет. Офицер дернулся в седле и тяжело рухнул головой вниз. Нога его застряла в стремях.

Взбешенный конь, не прекращая бега, поволок убитого по пыльной дороге.

— Огонь! — орал, напрягаясь до хрипоты, комбат Баулин, и крик его тонул в пулеметной перебранке...

Белогвардейцы так и не проникли на хутор. Их отряд, изрядно поредевший, отступил.

Когда на помощь в Михайловский прибыл с конницей Чапаев, казаков и след простыл. На полях там и сям валялись развороченные бороны. Василий Иванович удивился, почему их так много. И Баулин рассказал ему о боевой сметке Вани Ратанова.

Чапаев приказал позвать к нему парнишку.

— Ловкий же ты парень, Ванюша-хитрец! Сказал бы мне кто, что тебе всего пятнадцать с половиной, — не поверил бы...

И тогда Ваня чистосердечно признался:

— И не верьте, товарищ Чапаев! Мне вовсе и не пятнадцать с половиной, а только четырнадцать. Честное чапаевское!

Чапаев похвалил подростка за находчивость и чистосердечное признание и велел в боевом приказе отметить отвагу и смекалку юного разведчика.

А на следующее утро отличился в сражении Ванин дружок Петя Козлов — помешал белоказакам захватить полковой штаб. Мне однажды от самого Петра Федоровича довелось услышать, каким образом все это произошло. Когда бойцы легли спать, комбат приказал Пете быть вместе с красноармейцем Михаилом Ерониным часовым на церковной колокольне — смотреть, нет ли белых в степи.

Уже начинало светать. Вдруг — трах, бабах! «Не иначе, лазутчик белоказачий, — подумал Петя. — Стреляет где-то рядом. Нужно бить тревогу!»

И схватил веревку колокола. Ударить, однако, не успел — увидел внизу пастушка с кнутом. Выходит, это он щелкал, сгоняя коров. Вот так выстрел!

Петя облегченно вздохнул и навел бинокль подальше за село. Было видно, как стадо, подгоняемое пастушонком, тянется к пастбищу. Тут Петя насторожился. Что такое? Стадо не пошло на пастбище, свернуло на степной тракт. На дороге ни травинки, зато пыли по колено. Непонятно, зачем пастушонок погнал коров туда? Рыжее облако пыли висело над степью, окутывая непроницаемой завесой отставшую половину стада. Пыль ползла по степи все ближе и ближе к селу.

Вдруг смутным силуэтом что-то мелькнуло в пыли... Не показалось ли? Нет, точно! Лошадина морда! Один конь, другой, третий... Целый эскадрон прячется за стадом. Впереди, сгорбившись, жметесь к коровьему боку человек во всем черном. Рукой дергает. Ясно: уздечкой жеребца к земле пригибает, чтобы тот над гуртом не вышался.

Петя резко ударил в колокол. Задрожала, захула четкая медь, тревожным звоном разорвала утреннюю тишину. На пустынной сельской улице первым появился начальник штаба Андрей Чернов. Он бежал босиком, протирая глаза на ходу. Но его маузер был уже наготове. Следом за ним к штабу со всех сторон спешили красноармейцы.

Казак один за другим вскакивали в седла и распугивали коров на дороге. В пыльном облаке метались белые молнии клинков. Цо-цо-цо... Слышно, как, приближаясь, всхрапывали кони, били подковами по мостовой. С гиком и визгом выскакивали на улицу казачьи сотни.

Андрей Чернов стрелял из маузера по наседаящим на штаб казакам. Храпящие кони взвивались на дыбы, мерцая осветленными подковами, метались перед домом.

— Так их! В хвост и в гриву! — крикнул Петя и сбежал с колокольни, чтобы вместе с другими чапаевцами помочь Чернову отстоять штаб, над которым развевался красный флаг.

Горячка боя переместилась от штаба к крайнему дому, где расположилась пулеметная команда. Плотной заперев входную дверь, вражеские солдаты не давали нашим пулеметчикам выйти на улицу.

Петя Козлов, прячась от белоказачей, обежал двор, подкрался к дому пулеметчиков и снял засов, наложенный на дверь.

Красноармейцы выкатили пулеметы и стали

поливать врага свинцовыми очередями. С новой силой разгорелся в селе бой.

С дальнего конца улицы, выставив вперед штыки, двинулась на белых красноармейская цепь. Она теснила их к церкви. Белые повернули назад. Но улизнуть в степь им не удалось. Пастушонок выгнал коров на дорогу. Грозно мыча, они неслись прямо на казаков. Кони испуганно шаркались. Белым податься некуда — со всех сторон они были окружены. Оставался лишь один выход — руки поднимать...

О боевых действиях Пети Козлова Чапаев отзывался с похвалой:

— Из молодых, да ранний! Как и дружок его Ванюша-хитруша, — и добавил, лукаво сощурился: — Правду, видно, говорят — старый старится, а молодой растет. Золотопогонникам не одобровать, коли не только бывалые солдаты, но и мальцы безусые их в оборот берут, в хвост и в гриву бьют. Молодцы, орлята!

В Самаре, освобожденной от белых, Петя Козлов познакомился с комсомольским вожаком Сашей Ягуновым, лихим и душевным парнем, и его сестренкой Лидой. Петина ровесница, она тоже решила стать «чапаевкой». Но девочек к дивизии и близко не подпускали. И Лида пустилась на хитрость: наголо остригла волосы и переделалась мальчиком. От паренька ее, задиристую и курносую, с твердой, решительной походкой, отличить было невозможно. Чапаевская дивизия в то время стояла в нескольких километрах от Самары, в селе Воскресенское. Лида пришла в штаб к Чапаеву и сказала, что осталась без отца и матери и хочет служить бойцом в дивизии.

— Стрелять не хуже других умею, — похвасталась она начдиву. — Если потребуется, и рану перевяжу. И на коне с саблей могу. Возьмите!

Не один месяц провела она в дивизии. Ходила в бой и разведку, перевязывала раненых и ухаживала за конем, была ординарцем командира и выступала во фронтовом театре. И никто даже подумать не смел, что это вовсе не мальчик, а самая натуральная девчонка. В галифе и папахе. Не случайно, видно, Чапаев подарил ей в награду за храбрость и лихой характер свою фотокарточку с дарственной надписью.

— Известно немало случаев, — сказал Иван Александрович, — когда Василий Иванович самолично награждал отважных чапаят либо именной саблей, либо наганом, либо фотографировался рядышком с ними. По-отцовски заботился он о своих орлятах. А сколько их у него было...

И мы стали вспоминать.

В чапаевской дивизии служил юный пулеметчик Миша Живаев. Свой первый бой он провел в уральских степях, где под хутором Синеньким увидел страшную картину — трупы заживо сожженных белоказаками семерых пленных бойцов. И с того дня стал Миша яростно мстить врагу за погибших. В одном из сражений окружили его белоказачи, набросились сзади и потащили на допрос. Пытали долго. Все хотели узнать, как вооружен отряд, сколько человек в нем и где находится чапаевский штаб. И на каждый вопрос Миша отвечал: «Не знаю». Его били... А он,

захлебываясь кровью, молчал, свято храня военную тайну. Измученный, Миша все же нашел в себе силы и бежал из тюрьмы в ночь перед казнью.

О храбре чапаевском орленке Михаиле Живаеве я узнал из письма, присланного мне из Саратова красными следопытами школы-интерната № 2. Ребята проследили весь жизненный путь Михаила Григорьевича — и то, как его, раненного в бою под Духовицким, чуть было не похоронили заживо в братской могиле, и то, как в семнадцать лет вступил он в партию большевиков, возглавил партийную ячейку отряда и за боевую храбрость дважды был награжден орденом боевого Красного Знамени, получил лично от Чапая именное оружие. Потом воевал на других фронтах, боролся с разрухой и голодом, был ударником первых пятилеток... Из орленка вырос орел!

А сколько других бесстрашных воинов комсомольского возраста прошло боевую школу в Чапаевской дивизии!

Многие из молодых чапаевцев впоследствии стали видными военачальниками, государственными деятелями. Это и прославленный организатор партизанского движения против фашистских захватчиков, дважды Герой Советского Союза С. А. Ковпак, возглавлявший в чапаевской дивизии команды по сбору оружия. И бывшие чапаевцы, получившие всесоюзную известность, такие, как генерал-майор И. В. Панфилов, прославленные герои-летчики А. В. Беляков и М. Т. Слепнев...

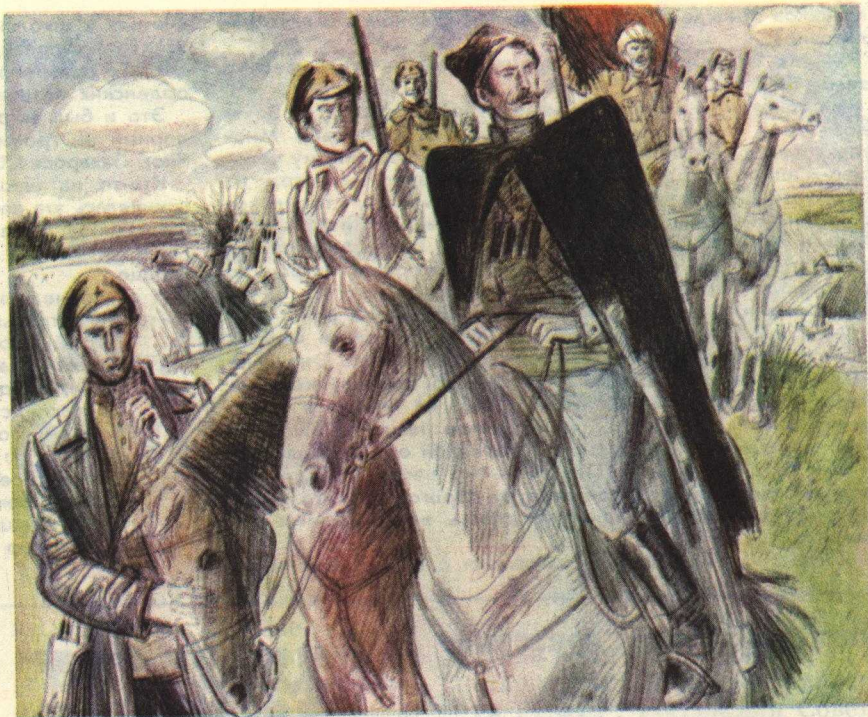
Так вспоминали мы с Иваном Александровичем Шустовым все новые и новые фамилии командиров и бойцов, которые в чапаевской дивизии были самыми молодыми и которых Василий Иванович с нежностью называл «красными орлятами».

Прибыв в Балаково, мы, конечно, первым делом захотели побывать в доме, где прошли детские и юношеские годы Василия Ивановича Чапаева. Вместе с нами отправился туда и Иван Александрович Шустов.

Автобус вез нас по улицам, которых каких-нибудь десять лет назад не было и в помине. Скоро из старых деревянных домиков здесь, пожалуй, останется лишь один — тот, в котором прошло детство легендарного начдива.

Новую жизнь старинному городу принесла Саратовская ГЭС. Мы ехали вдоль длинного канала, потом свернули на главную магистраль. Она брала начало где-то далеко за горизонтом — там, вдали, высились трубы заводов — и вела к центру города, к новым жилым домам, дворцам, магазинам, школам, детсадам... Шофер то и дело останавливал автобус, чтобы дать нам возможность полюбоваться самыми высокими и красивыми городскими строениями.

Но вот мы выехали на маленькую улочку, поросшую по обочинам крапивой и лопухами — это бывшая Сиротская



слобода, и остановились напротив почерневшей, ушедшей окнами до самой земли избышки, — ниже и древнее ее мы не видели в городе. Она как бы вошла в этот светлый современный город из прошлого века, показывая нам кусочек старого Балакова. Внутри домика тоже все напоминало о прошлом — мрачные сени, маленькая комнатка с крестьянской печью, стол и табуретки, буфет, изготовленный руками Василия Ивановича, и лапти, сплетенные им же, в них он ходил в местную церковно-приходскую школу.

Осматривая сумрачную деревенскую избышку, где все сохранилось таким, как было при жизни Василия Ивановича, — здесь и деревянная кровать, на которой он спал, и дореволюционные фотокарточки на стенах, и плотничный инструмент, принадлежавший Васе Чапаеву, который с юных лет помогал отцу и братьям строить дома для крестьян в заволжских степях, — вдруг как-то по-особенному начинаешь сознавать и значение революции, озарившей жизнь трудового народа новым, счастливым светом, и духовную силу простых людей, взрастивших в этих стенах бессмертного героя, и крутой, по-орлиному могучий взлет крестьянского сына, поднятого революцией из низов жизни к ее вершинам, к народной славе.

Пребывание наше в чапаевском доме было недолгим, но впечатления от него осели в сердце и памяти глубоко, крепко. И что бы мы в тот день ни делали потом, с кем бы ни заговаривали, все время вспоминалась скромная чапаевская избышка, и мысли возвращались туда, к истокам чапаевского подвига, к его родителям, запечатленным на старых снимках, к его брату — комиссару Григорию Чапаеву, который устанавливал здесь, в Балакове, советскую власть и погиб за народное дело, к землякам его — и тем, кто бок о бок с прославленным начдивом сокрушал ненавистных беляков, и тем, кто ныне следует его дорогой, хранит верность чапаевским традициям.

Может, именно поэтому, а может, еще и потому, что в нашей писательской группе, которая поехала на встречу с детьми в Балаковскую школу № 16, оказались бывалые фронтовики, разговор с учениками с самого начала пошел о боевых подвигах Чапаева и чапаевцев, о героях битвы с фашизмом, о священном долге каждого советского человека — в случае необходимости бесстрашно встать на защиту социалистического Отечества, готовить себя к труду и обороне.

Представляя писателей школьникам, сидевшим в переполненном зале, директор школы Виктор Иванович Упо-

ловников прежде всего сказал о легендарном земляке балаковцев:

— Мы гордимся тем, — произнес он, — что живем на земле Чапаева.

На трибуну, чуть прихрамывая, вышел писатель со Звездой Героя на груди — Иван Арсентьевич Арсентьев. Многого довелось испытать в жизни этому мужественному человеку: еще в предвоенные годы он плавал матросом на рыболовецком траулере по северным морям, строил корабли на Николаевской верфи. Когда фашистские полчища напали на нашу Родину, стал летчиком. Более полутора года вылетов на его боевом счету — полтора года встреч со смертью, полтора года схваток и побед.

Но не о себе, не о своих подвигах повел он речь:

— Я вам, ребята, вот что скажу — дорожите чапаевской славой, революционным чапаевским делом. Оно дано вам в наследство. Подвиг Чапая — это крылья, которые надежно поддерживают тех, кто еще не оперился и кто хочет лететь к новым далям. Помните песню «Орленок»? Там есть такие слова: «У власти орлиной орлят миллионы, и ими гордится страна!» Так вот — эта песня о вас, о молодом поколении, которое следует дорогой подвига. И надо жить так, чтобы Родина гордилась вами, вашими делами!

Когда Иван Арсентьевич заговорил о песне «Орленок»,

учителя и школьники в зале посмотрели в ту сторону, где за столом президиума сидел коренастый, немолодой человек с посеребренной шевелюрой волос, с двумя рядами орденских планок на пиджаке.

Это и был автор песни «Орленок», по-комсомольски задорный и громкоголосый старейшина советской поэзии Яков Захарович Шведов.

Кто-то из школьников попросил поэта рассказать, как сочинялась эта песня, был ли на самом деле такой герой — Орленок? И Яков Захарович ответил:

— Да, был! В песне бьется его боевое комсомольское сердце.

И он прочел свое стихотворение, адресованное молодости нашей страны:

Нашей юности, шагающей
В жизнь навстречу всем ветрам,
Память сердца, как товарищам,
По наследству передам...
Я хочу, чтоб была простая эта,
Близкая по сути к откровению,
Словно боевая эстафета,
Шла от поколения к поколению,
Чтобы ваша солнечная юность
С юностью отцов не разминувшись!

ЗНАКОМЬСЯ: ТВОЙ РОВЕСНИК!

МАНДАТ № 583

Среда — единственный легкий день у Алеши Биткина. Ни тренировок в СКА, ни кружка в Доме пионеров. И только пять уроков. Побольше времени остается на школьные дела.

24-я школа, где он учится, за углом, на Среднем проспекте. За полчаса Алеша успел закусить, переодеться, и теперь бежал обратно под проливным сентябрьским дождем. Льет и льет целый день, всю неделю. Нигде такого нет, как в Ленинграде, уж он знает: жил на Урале, и на Волге, отдыхал летом на Украине, а прошлой весной и в Москве побывал, на Всесоюзном слете пионеров...

Из-за переездов Алеше пришлось поучиться в нескольких школах, но нигде не было такого дружного класса, как их 8 «б». Дружат обычно группами, у каждой — свои интересы. А здесь — все вместе. Один за всех — и все за одного. Без преувеличения. Может быть, поэтому так легко и работалось ему в прошлом году.

Школьная дверь то и дело открывалась — закончился шестой урок. И в мастерской, кроме учителя труда, никого уже не было.

Увидев Алешу, учитель улыбнулся.

— Я за инструментом, Александр Борисович. Стекло в классе вставить.

— Справишься?

Где что лежит, подсказывать Алеше не нужно. В мастерской ему знаком каждый верстак, нет, наверное, молотка, которым бы не поработал. И на уроках, и в кружке технического творчества. А чего только ни делали по заданиям пионерстроя! И совки всякие для школы и для детсада, и коробки для металла, и игры малышам...

Людмила Борисовна проверяла тетради.

«Интересно, что за сочинение?» — подумал Алеша, но мешать не стал, тихо прошел к окну. Он уже заканчивал работу, когда Людмила Борисовна спросила:

— Алеша, сколько «н» в слове «гостиница»?

— Гостиница? — переспросил Алеша. Хоть стоял он у окна, и не в форме, а почувствовал себя, словно у доски. — Одно, конечно.

— Так, а ты что написал? Наверное, мало любишь язык? — подзадорила Людмила Борисовна.

— Почему, я все предметы люблю.

— А больше всех труд. Угадала?

— Нет, не больше.

— А что же? Математику? Физику? Биологию?

— Не угадали. Физкультуру! Там сразу видны успехи и неудачи. Вчера в длину прыгнул на четыре десяти, сегодня — на четыре двадцать. Шаг вперед.

— А в других предметах — разве не так?

— Ну, там все не так четко, пока дождешься, пока достигнешь чего-то — сколько времени уйдет.

— Чего же ждать? Остановись один раз и подумай: что я знаю, что сделал, чего добился, мог ли больше?

— По-моему, — ответил он наконец, — все нормально. Ну, бывают неудачи, тройку схватишь. А в целом — нормально.

— Давай-ка вместе итоги подводить. У нас ты третий год. В шестом классе выбрали звеньевым — звено стало передовым. В седьмом вывел в правофланговые отряд. Теперь доверили руководить дружиной. А начинал — помнишь как? Улыбаешься теперь, а тогда-то чуть не до слез доходило. Ребята не слушают, сам не знаешь, за что хвататься. А теперь?! Разве это не итоги? И так в каждом деле, в каждом школьном предмете.

Наметил цель — добейся, а потом сравни, что было и что стало. Вот нынешний год. Чего ты от него ждешь?

Алеша раскрыл плоскогубцы, потом щелкнул, закрыл, опять раскрыл, снова щелкнул.

— Так, первое, — начал он наконец перечислять, — первое — хорошо закончить восьмой класс. В основном на пятерки. Второе — работать так, чтобы дружина осталась правофланговой. Еще — в кружке сделать модель объемного самолета на радиоуправлении. И — получить по дзюдо разряд.

— Грандиозные планы, — улыбнулась Людмила Борисовна. — А весной опять подведем итоги. Договорились?..

Алеша уже вышел из школы, когда вспомнил еще об одном деле. Просунул голову в дверь пионерской:

— Здравствуйте, Ольга Львовна!

— Привет, привет, — ответила старшая пионервожатая и рассмеялась. — Который раз сегодня здороваешься?

— Ай, — Алеша махнул рукой, — забегаешься. Я за пакетом.

Ольга Львовна достала из ящика стола полиэтиленовый пакет со знакомой эмблемой: «VIII Всесоюзный слет пионеров».

Когда Алеша приехал со слета, на другой же день принес в школу все московские «трофеи». И красную кепку-буденовку, и фотографии, и открытки с автографами ребят чуть не из всех республик, и программу слета, и дневник, который он вел все пять дней.

Если бы не дневник, все бы и не запомнил, столько было в Москве впечатлений и встреч. Тогда, в конце мая, Алеша обошел со своим пакетом все классы. И в каждом классе, как в дни работы слета, поднимал над головой свой красно-розовый, с золотым тиснением, мандат.

К 60-ЛЕТИЮ СССР

СТАРШАЯ СРЕДИ РАВНЫХ

Подходил к концу 1922-й год. Со всех концов страны к заснеженной Москве, минуя разрушенные гражданской войной станции, опасливо замедляя ход на восстановленных наскоро мостах, шли и шли поезда. Во многих из них ехали посланцы разных народов молодой свободной страны. Ехали на съезд. Суждено было тому съезду стать Первым съездом Советов СССР.

Дружно проголосовали делегаты, утвердив Декларацию и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. С того дня — 30 декабря 1922 года — и появилась на картах мира новая страна — Союз Советских Социалистических Республик.

Совсем не случайно съехались делегаты именно в Москву. Издревле так повелось, что большие и малые народы тянулись к ней за помощью, шли за советом. «Москва всему свету голова», — говорила старая пословица.

Да и сама Москва, вернее — древнее Московское государство, век за веком посылала своих работных людей во все концы — осваивать новые земли. Шли из Московской Руси на север — помогали поморам покорять ледовые моря. Шли на юг — и некогда «дикое поле» начинало звенеть пшеничным колосом. Шли на восток — Уральские горы раскрывали перед ними свои рудные кладовые. Далекие земли становились близкими. Седой Байкал — «священным морем», Амур — «Амуром-батюшкой».



Самой большой среди республик нашей страны, старшей среди республик нашей страны, старшей среди равных, является РСФСР: Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

РОССИЙСКОЙ называется она потому, что большинство ее населения — русские. Около ста миллионов русских людей. СОВЕТСКОЙ — потому, что власть в ней принадлежит народу — Советам народных депутатов. ФЕДЕРАТИВНОЙ — потому, что вместе с русскими живет на ее землях еще более ста наций и народностей. Все они объединились в федерацию — добровольный союз равноправных, и сейчас в РСФСР входят 16 автономных — (что значит — самоуправляемых) республик, 5 автономных областей, 10 автономных округов. А СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ республика называется потому, что все ее богатства — земля, леса, воды, недра, заводы, шахты, плотины, дороги, электростанции — принадлежат государству трудящихся.

Старшей среди равных Российской республику называют в знак глубокого уважения. Ведь это именно русские люди первыми поднялись на борьбу с царем, с помещиками и капиталистами. Это они — рабочие России создали славленную ленинскую партию коммунистов, свершили Великую Октябрьскую революцию и принесли долгожданную свободу всем угнетенным народам огромной страны.

Г. ЕФРЕМОВ

В старые времена было у России еще одно имя, короткое и звучное — Русь. Поэт писал о ней:

*Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью.*

Давно было сказано, а и сегодня верно!

Трудно даже себе представить, как могуча, как необъятна Советская Россия! В двух частях света раскинулись ее земли.

На Урале, возле железнодорожного пути стоит каменный столб-обелиск. На одной стороне столба написано: «Европа», на другой: «Азия». Столб стоит на границе двух частей света. Отсюда хоть к городу Калининграду иди, хоть к Берингову проливу на Чукотку — до границ республики далеко шагать придется. На девять тысяч километров протянулась РСФСР с запада на восток и на четыре тысячи — с севера на юг. Солнце и то ее не всю вдруг преодолевает. Когда в Калининграде родители говорят ребятам: «А ну-ка, быстро спать ложитесь!», на Чукотке ребят будят: «С добрым утром!»

Двадцать пять государств разместились на территории Европы. Много? Конечно. А Сибирь — только часть Советской России. Но в этой части как раз может поместиться вся Европа. Со всеми двадцатью пятью государствами. Или Соединенные Штаты Америки. Только в одной Сибири.

Волны трех океанов, двенадцати морей омывают берега Российской Федерации. Голубыми зеркалами сверкают на ее просторах двести тысяч озер. Сотни тысяч рек катятся с гор, петляют в дремучих лесах. А лесов, знаете, сколько? Из каждых трех деревьев, растущих на земном шаре, одно стоит на российской земле. Да и по числу рек России принадлежит первое место в мире. Если бы их все в одну голубую ленту соединить — пять раз обогнула бы эта лента Луну и назад вернулась.

Понятно, что рассказывая о такой богатой земле, очень часто приходится повторять слова «самые», «самое»...

Самое большое озеро мира — Каспийское — здесь. Самое глубокое — Байкал — тоже здесь. Самый крупный из всех заполярных городов — Мурманск — несет вахту на севере республики. Бегут к нему рельсы самой северной дороги мира: Мурманск—Печенга. А возле города Владивостока у железнодорожной насыпи стоит столб с цифрой: «9288». Второго такого нигде нет. Показывает цифра огромное расстояние самой длинной железнодорожной дороги мира: от Москвы — до Тихого океана.

Чуть севернее этой железной дороги лежит Якутия — самая большая из автономных республик. Третью Сибирь занимает. А на двух островках Тихого океана — Беринга и Медном — лежит самый маленький район — Алеутский. В нем всего два села: Никольское да Преображенское.

До Великого Октября царские власти не то что знать, даже слышать не хотели о каких-то там малых народностях!.. Всех их одним словом обозначали: «инородцы». Многие из этих народов не имели письменности, постоянно голодали, умирали. В справочнике 1899 года о них сказано: «Умирающее племя, насчитывается 16 тысяч человек». Через 14 лет справочник переиздали, но с поправкой: «Умирающее племя, насчитывается 2 тысячи человек». Прошли годы.

В одном из томов Большой Советской Энциклопедии, выпущенном в 1977 году, можно прочесть: Ямало-Ненецкий автономный округ. Население 126 тысяч человек. Основные отрасли хозяйства — добыча газа, рыбная промышленность, оленеводство... В 1975/76 учебном году в 56 общеобразовательных школах обучалось 23,2 тысячи учащихся... Работали 352 врача.

Республике Советов еще и полгода не было, когда Владимир Ильич Ленин сказал: «...наша непреклонная реше-

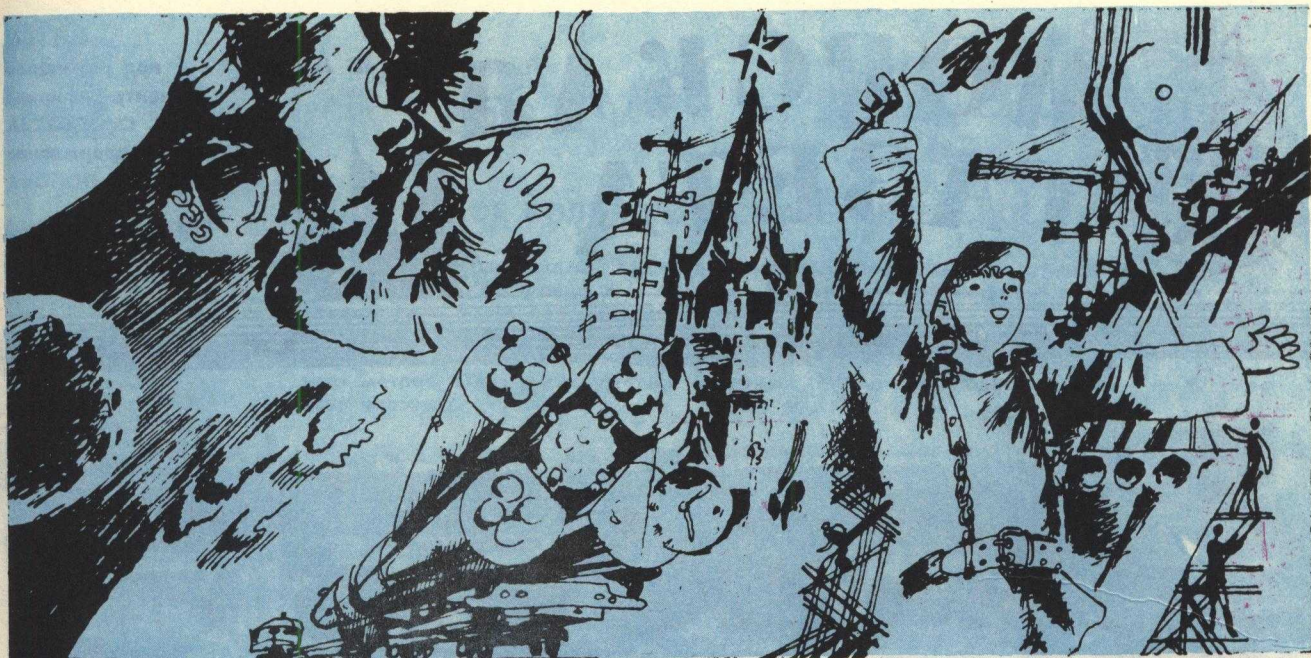
мость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной».

Отпылали пожары гражданской войны, отложили войны винтовки, взялись за лопаты, молоты, серпы, встали к станкам. Они не только старое восстанавливали — новое создавали.

В Сибири вырос русский брат украинского Донбасса — Кузбасс. Могучим вырос, сильным. Запасов угля в Кузнецком бассейне оказалось в пять раз больше, чем в Донбассе — половина всех мировых запасов планеты! Если все эти запасы в одну гору сложить — получилось бы два Казбека! Но в Кузбассе не только добывают уголь. Там плавят чугун, варят сталь. В годы войны гитлеровцам удалось захватить Донецкий уголь, криворожскую сталь, но с каждым годом на фронт все больше и больше поступало танков, орудий, самолетов — это воевал металл Кузбасса и Урала. А знаете, сколько рельсов изготовили металлурги Кузбасса? Ими можно трижды опоясать земной шар!

Появились помощники и у нефтяного Баку. Раньше он один на всю страну добывал из-под земли «черное золото». Но в 1932 году ударил нефтяной фонтан в Башкирии, возле деревни Ишимбаево; следом — в Краснокамске около Перми, потом — в Татарии под Бугульмой, еще нашли нефть возле северного города Ухта!.. В газетах стало появляться название: «Второе Баку». Только где оно: в Татарии? В Башкирии? А может быть, в Западной Сибири? Сейчас она ведь вышла на первое место в стране по добыче нефти. И Баку обогнала!

Стране-труженице много нужно угля, нефти, газа. Нужна и электроэнергия. Далеко уже ушел от нас 1926-й год, когда брызнул свет в окнах, побежал по проводам ток от самой первой советской гидроэлектростанции — Волховстроя. Сегодня Волховская



ГЭС малюткой кажется рядом с такими великанами, как Саяно-Шушенская ГЭС, Красноярская, Братская!

Теперь нельзя ездить по республике со старыми путеводителями. В «Лоции побережий РСФСР», изданной в конце двадцатых годов, можно прочесть: «В бухте Нагаева нет ни домов, ни селений, ни отдельных юрт...» Вот был бы номер, если бы вы с этой «Лоцией» сейчас туда пришли! Что там юрты — вас встретили бы современные городские улицы, театр, музей, телецентр, заводы, морской вокзал!.. И над ним буквы светятся: «Магадан»!

Раньше говорили: «таежная глушь», «таежная тишина»... Сейчас в этой бывшей тишине стучат врубовые молотки, сверкают искры электросварки, снуют самосвалы, выше пихт и кедров подняли свои могучие руки башенные краны. Байкало-Амурская магистраль строится — БАМ.

Однажды там вот какой случай произошел. Пробивали строители большой многокилометровый тоннель. Над входом в него плакат повесили: «Тоннели строят настоящие мужчины». Конечно, строители тоннеля и были настоящими мужчинами. Только молодыми. А потому спорили иногда, как мальчишки.

— Знаете, где БАМ начи-

нается? — спросил однажды Петерс. — В Литве.

— Это почему же? — настоярился Нугман. — Карту надо смотреть. Проведи прямую линию — как раз Душанбе будет.

— Ха! — засмеялся неунывающий Петро. И еще раз сказал: — Ха! Путаники вы оба. БАМ свое начало с Днепра берет. От города Запорожья.

И пошло!.. Вся бригада сразу заговорила. Каждый дорогу от своего города, кишлака, аула вел. Примирить спорщиков взялся местный житель, якут Иван.

— Правильно! — сказал он. — У каждой дороги начало там, где родился строитель.

— Я же говорил: в Кутаиси БАМ начинается! — сразу же откликнулся Григол.

— Я же говорил — в Казани! — хлопнул в ладоши Ахмет.

Вроде, опять ничего не получилось. Но якут Иван снова сказал:

— Правильно! Узбеки на юге живут, карелы на севере, чукчи на востоке. Но когда им надо общее дело решать, куда они едут? Правильно! В Москву едут. Я тоже был на Красной площади. Ленинский мавзолей видел. Кремлевскую стену. За ней огромное здание стоит. С куполом. Над ним красный флаг вьется. Очень

красиво! По бокам на башнях алые звезды горят, посредине — красный флаг! На здании Верховного Совета СССР. Там все республики, все народы нашей страны вместе. Там дороги нашей начало...

Идут строители вперед и вперед. Новые дороги прокладывают, новые города строят. В новых городах ребята растут, школы заканчивают. Конечно, где бы человек ни вырос, нет ему дороже этой земли. Но для всех людей нашей страны есть еще и дорогая река — Волга.

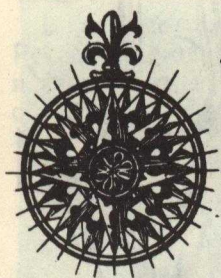
Среди лесов на Валдае, возле деревни Волгино Верховье начинается она едва заметным ручейком, спешит под берегами да под елками на простор, другие ручьи к себе зовет: вместе, мол, бежать веселее! У старого Ржева она уже и пароходы на своих волнах покачивает. Потом на юг поворачивает, многоводную Оку в себя принимает.

Каждый четвертый гражданин нашей страны живет в бассейне Волги.

Стоит на берегах могучей русской реки город Ульяновск. Высоко над Волгой стоит. Каждому советскому человеку бесконечно дорог.

Здесь на Волге, в бывшем Симбирске, 22 апреля 1870 года родился Владимир Ильич Ленин.

Л. ГАВРИЛОВ, В. СУСЛОВ



МОРСКАЯ ГАЗЕТА



Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. СКОСЫРЕВА
Оформление
Р. ПОПОВА

Год издания — 26-й



Наша подводная лодка «малютка» пришла в осажденный Севастополь с боеприпасами. Разгрузилась. И хоть на «малютке» теснота страшная, взяли на борт несколько человек — раненых. Все было готово к обратному переходу, как вдруг от искры, случившейся в радиоаппаратуре, произошел взрыв паров бензина.



Несчастье это застало лодку днем, да еще посреди бухты. А бухта простреливалась фашистами. Пришлось срочно лечь на грунт до наступления темноты...

На «малютке» запас воздуха невелик. А пары бензина начали проникать во все отсеки — так что дышать стало совсем нечем. Люди начали засыпать... Уснули мотористы, уснули торпедисты, уснул штурман. И тогда командир лодки позвал старшину Николая Пустовойтенко, человека сильного и крепкого.

— Старшина, — сказал он, — нам с тобой приказ один — не спать! Не знаю, сколько мы с тобой еще продержимся, но держаться надо. Мы — последние.

— Есть не спать! — ответил Пустовойтенко, хотя его так и тянуло

ПРИКАЗ — НЕ СПАТЬ!



присесть или прилечь и закрыть глаза...

Через час, словно мертвый, лежал и командир. Один Пустовойтенко бродил по отсекам, словно в заколованном царстве спящих... Присесть он боялся и отдыхал, повиснув на руках и держась за трубы вентиляции. Порой тяжкий сон одолевал его,

и он падал. Упав, просыпался и снова брел из отсека в отсек. Медленно шло время. Наконец стрелки часов показали: «21 час» — вечер, наверну темно, можно всплывать...

Принялся Пустовойтенко будить моряков, но те, хоть и дышали слабо, были без сознания. Подтащил старшина командира к входному люку. Потом пустил в балластные цистерны сжатый воздух, чтобы всплыть. Первым от свежего воздуха очнулся командир, за ним — медленно зашевелились остальные. Дышали так,



как никогда в жизни не дышали — пили воздух, глотали его, надышаться не могли. Постепенно пришли в себя. Команда разошлась по боевым постам, запустили двигатель, и «малютка» пошла к берегам Кавказа, к своим...

Пустовойтенко за его подвиг наградили орденом, но он удивился: разве подвиг — не спать?

Г. ГУСЕВ



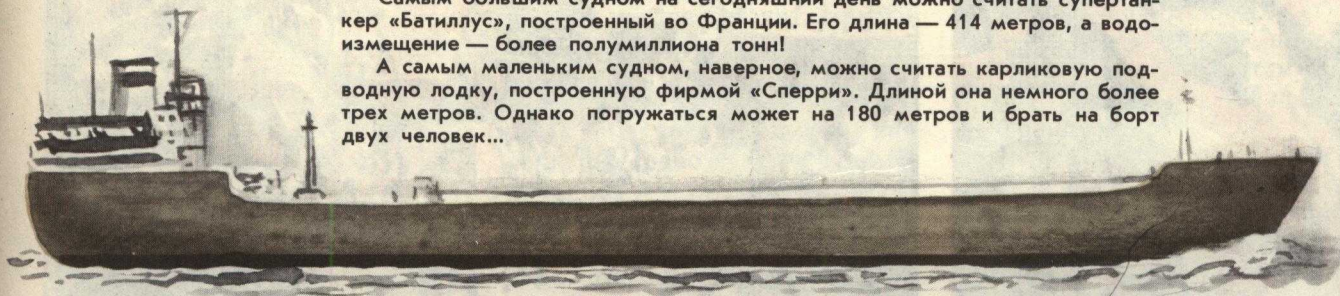
ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ



САМОЕ БОЛЬШОЕ И САМОЕ МАЛЕНЬКОЕ

Самым большим судном на сегодняшний день можно считать супертанкер «Батиллус», построенный во Франции. Его длина — 414 метров, а водоизмещение — более полумиллиона тонн!

А самым маленьким судном, наверное, можно считать карликовую подводную лодку, построенную фирмой «Сперри». Длинной она немного более трех метров. Однако погружаться может на 180 метров и брать на борт двух человек...



СООБЩАЮТ ЮНКОРЫ

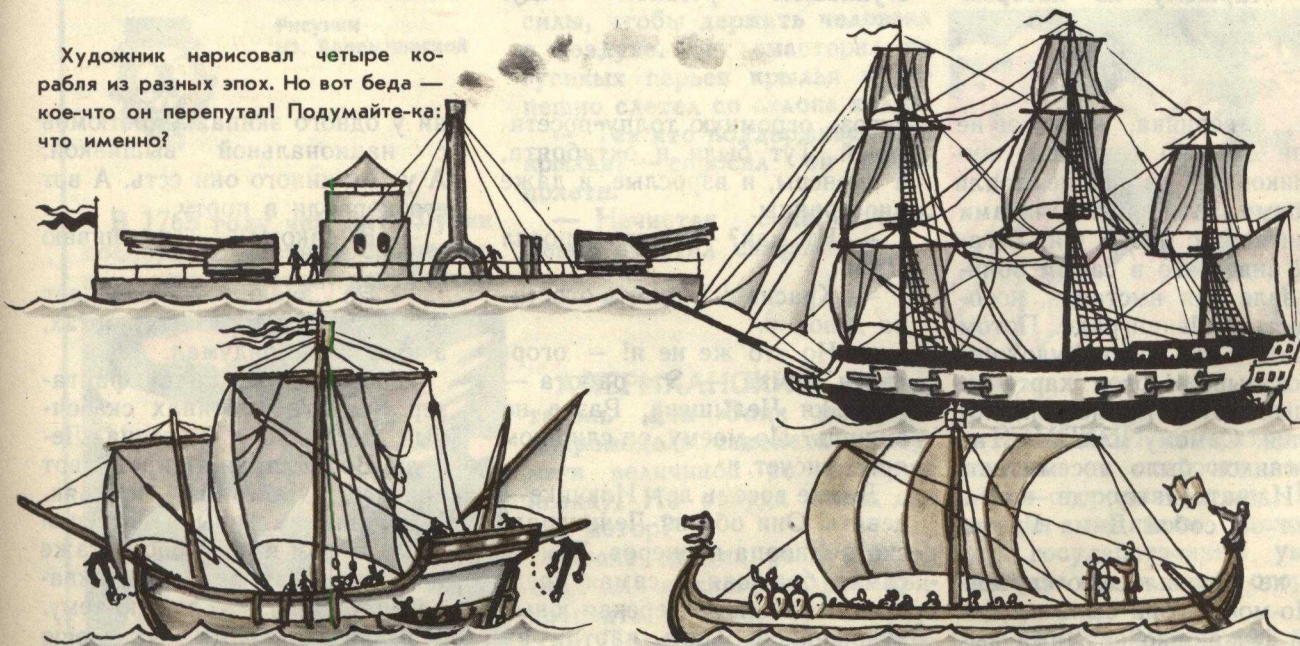
В нашем городе открыт памятник морякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Памятник этот — катер, подаренный моряками городскому Дворцу пионеров. Катер установили на постаменте высотой в восемь метров.

Когда памятник открывали, зажгли Вечный огонь. Было это в канун Дня Победы.

Тимур Давыдов,
Салават

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

Художник нарисовал четыре корабля из разных эпох. Но вот беда — кое-что он перепутал! Подумайте-ка: что именно?

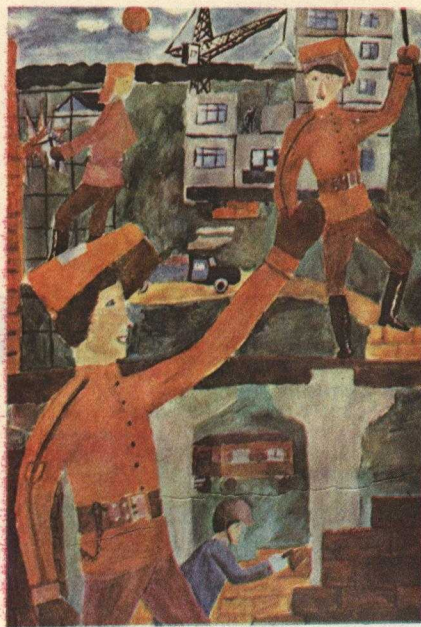


СПАСЛИ РЫБАКА

Теплоход «Антон Чехов» шел Корейским проливом. Вдруг вахтенный крикнул: «Человек в лодке!» Капитан приказал застопорить ход и подойти. В лодке без сил лежал рыбак. Его подняли на палубу. Лодку тоже.

Рыбака накормили и уложили спать. Капитан приказал взять курс на южнокорейский остров Уллындю, откуда рыбак был родом.

Южнокорейские чиновники очень удивились: такое большое судно задержалось из-за одного нищего рыбака? Странные эти русские...



КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

В Ленинграде в самом большом выставочном зале открылась галерея художников, самому старшему из которых

16 лет. Выставка «Юный художник» — первый праздник пионерии и всех детей в наступившем учебном году.

Праздник, посвященный грядущему 60-летию пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина.

Вы, наверняка, никогда не видели столько бегающих художников. Да-да, они не стояли за своими мольбертами, часами не двигаясь с места. Они бежали. Я видел это в самом большом зале для выставок, который есть в Ленинграде. Потом я узнал, в чем дело. Художники показывали свои картины. Каждый хотел побыстрее, торопился. Самому младшему из художников было восемь лет.

— Идем, покажу, где — я! — позвал за собой Дима Гребенюк.

Он не торопил свою спутницу. По-моему, она была из Диминой 202-й школы. Дима выдержал паузу — пусть оценит. Наконец сказал:

— Ну, как?

— Красиво!

— А вон там еще есть. Идем! — он быстро пробрался

сквозь огромную толпу посетителей. Тут были и октябрята, и пионеры, и взрослые, и даже иностранцы.

— Ну, как? — опять спросил Дима.

— Красиво! — опять ответила девочка.

— Но это же не я! — огорчился Димка. — Эта работа — Илюшки Чельшева. Разве не видишь? По-моему, он слишком ярко рисует.

Димке восемь лет. Илюшке — девять. Они оба из Ленинградского Дворца пионеров. Там — самая большая и самая представительная мастерская юных художников. Треть картин на выставку привез Дворец. А всего здесь больше полуторы тысяч произведений.

Вот Димкины космонавты в костюмах, как полагается. Только не было, по-моему, еще

ни у одного экипажа костюмов с национальной вышивкой. А у Димкиного они есть. А вот его корабли в порту.

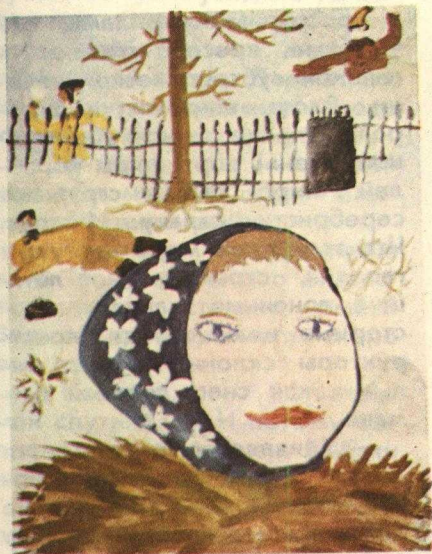
— В каком? — спрашиваю я его.

— Не знаю, — отвечает он. — Я был в разных портах, а этот сам придумал.

Илюшка Чельшев фантазер. На его картинах сказочный богатырь и царевна Лебедь. Вот лошади и цирк. А вот вратарь. Наверное, Третьяк. Илюшкины картины я встречал и на первом и на втором этаже выставки. Так их много, акварелей у Ильи. На любую тему.

Я подумал, что Чельшев еще не нашел своей любимой темы и поэтому все хочет попробовать. По-моему, он прав. Еще есть время найти эту тему.

За сто километров приехала из Кингисеппа картина Олега



Логиненкова. Он нарисовал вагон-теплушку, идущую на фронт, и назвал картину «Военное время». Легендарной

Дороге жизни, по которой в блокадный Ленинград доставляли продовольствие, посвятила свою картину Таня Кулебаба.

Я заметил, что под каждой картиной, кроме фамилии юного художника, есть фамилия взрослого художника, у которого он учится. Значит, во многих Домах пионеров работают мастерские, где взрослые помогают детям. Только рисуй!

На выставке я сделал для себя еще одно открытие — на картинах ребят много слов. Как говорится, хоть отбавляй. Правда, я бы не стал отбавлять. Мне, например, нравится вывеска над ларьком «Бесплатное мороженое» или надпись на странной машине из Звездного городка — «Космотобус». Ее придумала Аня Репова. А Юра Полуэктов не захотел, чтобы трап заслонял на-

звание корабля, и написал на борту с переносом «Дру-жба».

Ходили по выставке французские туристы. Один особенно приглядывался к картинам. А потом вдруг громко, так что даже многие оглянулись, сказал:

— Потрясающие картинки!

Вернее, он-то сказал: «Фантастические!» А я перевел: «Потрясающие!» Потому что такие удивленные глаза были у француза.

Я все о картинной галерее рассказывал. А на выставке есть еще скульптуры, украшения из камней и металлов, мягкие игрушки и вышивки.

До самого закрытия зал был полон юных художников и их гостей. Никто не хотел уходить домой. И только когда кто-то вспомнил, что надо уроки приготовить, выставка опустела. До завтра.

М. БЕЛОУСОВ



Рисунки
Ю. Беломлинской

В 1765 году чех Вит Фучик поспорил с местным священником, что у ветра достаточно



силы, чтобы держать человека в воздухе. Вит смастерил из гусиных перьев крылья и успешно слетел со склона холма.

— Так кто поддерживал мои крылья? — спросил он после полета.

— Нечистая сила! — убежденно ответил священник.

АМЕРИКАНСКИЙ изобретатель Дон Эпик построил микромодель самолета из бумаги величиной со швейную иглоку. Но откуда взять для нее мотор?

После долгих раздумий он стал для каждого полета прикреплять к самолету... муху. Увы! Полеты пришлось прекратить: на изобретателя подало в суд Общество защиты животных.



РИМСКИЙ император Диоклетиан на старости лет увлекся огородничеством. Когда друзья начинали восхвалять его государственный ум, он выводил их в свой огород и говорил:

— Римской империей могут управлять даже тупицы, а вот вы попробуйте вырастить такую капусту!

У ЭСТОНСКИХ РЫБАКОВ



Автобус мчит меня вдоль Финского залива, такого голубого в этот жаркий летний день и такого спокойного, что не различишь — где кончается вода и начинается небо. Только что за окнами был Таллин, и вот уже стремительно приближается узкая полоса песчаной косы, уходящей в море. Тучи чаек кружат над нею. Когда автобус делает остановки, в раскрытые двери врываются их истошные крики. Мы приближаемся к заветному побережью, самому большому в Эстонии рыболовецкому колхозу имени С. М. Кирова. На триста сорок километров вдоль южного побережья за-

лива тянется это хозяйство.

— Ну, точно! Рыбу с траулеров на консервный завод отгружают! — говорит мой попутчик, механик колхозной автобазы. — Ой ворюги эти чайки! Если грузовик с рыбой попробовать к заводу провезти открытым, поверите, ни одной рыбешки не довезешь — все по дороге расхватают...

Густое, трепещущее птичье облако скрылось за поворотом.

— Правление колхоза, — объявил водитель.

Я вошла во дворец. Иначе это здание не назовешь. Насквозь пронизанное светом,

с просторными холлами, где удобные кресла утопают в пышной субтропической зелени. Вдоль широких коридоров — яркие панно из колхозной жизни: порт, ряды кораблей у пирса, рыбаки сгружают серебристую салаку... И вдруг. Что это? Алое море цветущих гвоздик, стремительно летящие гоночные машины, просторные цехи завода, конструкторы склонились над белыми, как снег, листами ватмана...

— Удивляетесь? — смеется Линда Кангур, редактор местной газеты. — Это раньше здесь жили и работали только рыбаки. А сейчас в колхозе есть инженеры, животноводы, врачи, рыбообработчики, строители, цветоводы, шоферы, рыбоводы, пищевики, мебельщики. Всех не перечтешь. У нас даже архитекторы свои и музыканты. Все изменилось на берегу, только море осталось прежним.

ДРЕВНИЙ ПРОМЫСЕЛ

В путину корабли у пирса появляются нечасто. Но почти всегда можно увидеть рыболовецкие траулеры... на берегу. От самой воды вверх, к специальным бетонированным площадкам ведут узкие рельсы. По ним, на особых тележках, поднимают на сушу «большие» суда. Большие металлические тела нескольких траулеров на песчаном пустынном берегу напоминают выброшенных волною китов. Под брюхом одного из них мерцает ослепительный свет — идет сварка ослабевшего шва. Другой — весь в желтых пятнах, словно мазью смазан. Третий, наоборот, блестит свежеевыкрашенными боками — готов к спуску.

Выходим в море и мы на быстром катере. Туда, где в знойном мареве чуть различимы корабли. Юрий Вендла, заместитель начальника рыбокомбината по флоту пытается перекрыть шум мотора.

— Сейчас сети выбирать будут.

Нам повезло, подоспели во-

время. И тут я увидела удивительное. Оказалось, что траулеры «работают» в море на пару одной сетью. Держат ее, как родители малыша, вроде как за руки, между собою.

— В такой сети, — растолковывает мне Вендла, — вмещаются тонны рыбы.

— Скажите, — спрашиваю я, — а не очень это опасно вылавливать столько рыбы? Ведь запасы моря могут скоро оскудеть.

— Конечно, — отвечает мой спутник. — И потому вылов строго ограничен. Рыбаки любят и берегут море.

А на палубе уже журчат, поскрипывают механизмы, заменившие рыбацкие руки на самых тяжелых операциях. Сеть плавно выползает из воды и зависает над траулером. В сетчатом мешке, будто живое серебро, искрится салака. И вдруг сетчатый мешок будто сам, без постороннего участия, распаивается, и на палубу льется сверкающий поток рыбы. Проходит совсем немного времени, и рыба начинает на глазах исчезать: через трубы салака течет в ящики. На берег ее отправляют уже упакованной.

— Так у вас здесь и не рыбаки вовсе, — говорю я, — а операторы механизмов?

Вендла соглашается. И добавляет:

— Вот почему сейчас путь от школы к профессии колхозника проходит часто через город — через техникумы, институты, мореходное училище.

В ЦЕХЕ

Удивительное производство — цех изготовления сетей.

Он похож на спортивный зал. Вдоль зала — длинные ряды стоек, напоминающих низкие перекладины. А весь пол устлан сетями. Ячейки у них от малых до огромных — такими впору акул ловить. С потолка свисают крючья, и сети местами к этим крючьям подвешены. Вот у этих крючков и работают сетевязаль-

щицы: зашивают дыры или вяжут новые сети.

— Это кеби, — объясняет мне мастер Эльга Каллас и показывает огромную деревянную иглу с большим ушком и язычком посередине.

А я тут же узнаю: ну, конечно, совсем такую же сетевязальную иглицу видела утром в колхозном музее. Предки поморских мастериц работали такими же. Вот только материал для сетей теперь иной — вместо льна — синтетические нити.

Лед двадцать назад на месте нынешнего рыбконсервного завода находился деревянный сарай, в котором коптили рыбу. Женщины, занятые на обработке, сидели в резиновых сапогах и ноги держали в тазах с горячей водой — чтоб как-то согреться. Руки их были в мозолях от ножниц, которыми отрезали рыбы хвосты и головы. А в самой копильне стоял такой чад, что работники не видели друг друга.

Сейчас в просторных цехах завода работают только в белых халатах. Одетая, как врач, я иду вдоль многометровой поточной линии, у которой сидят фасовщицы консервов. Таких линий несколько. Консервы колхоз продает государству.

УНИКАЛЬНОЕ КБ

Конструкторское бюро колхоза имени С. М. Кирова знают во многих странах мира. В Болгарии, ГДР, Чехословакии работает созданное здесь оборудование. Но самым интересным в разработках бюро мне показалось рыбководческое хозяйство.

Дело в том, что здесь впервые в нашей стране стали выращивать радужную форель в бассейнах с морской водой. Рыба растет не только летом, как обычно, а круглый год. И за два года набирает вес, который обычно набирает за 4 года. Как это достигается? Это и постоянный подогрев воды до определенной температуры, и система биологиче-

ской очистки, и подача подкормки, и профилактическая борьба с болезнетворными организмами — словом, целый замкнутый цикл благоприятностей.

— А над чем сейчас ломают головы ваши конструкторы? — спрашиваю у главного конструктора Ааре Аси.

— Все над теми же ценными породами рыб, — ответил он. — Дело в том, что питомники для разведения мальков радужной форели, бестера (это гибрид белуги и стерляди), сибирского осетра, кижуча, карпа находятся в 150 километрах от Пяриспеа, где рыба выращивается для продажи. И вот транспортировка этих мальков — очень непростое дело. В дороге им приходится переносить и тряску, и недостаток кислорода... Мы сконструировали специальные баки, механизировали загрузку и разгрузку так, чтобы рыба не травмировалась. А вот сейчас придумываем, как погасить всякое волнение воды внутри баков во время долгого переезда на машинах.

Я представила эти удивительные автоколыбели для рыбных малышей и вспомнила большую фотографию в одном из залов колхозного музея. Она сделана в 1951 году. На ней радостные, восхищенные лица, удивленные глаза. А в центре этого всеобщего восторга — маленький грузовичок «ГАЗ-АА» — первый автомобиль, приобретенный колхозом. Сейчас гигантское хозяйство обслуживает автобаза в 400 машин. Тут и тракторы, и бульдозеры, и спецтранспорт для мальков.

...До отъезда остались считанные минуты. Из окна читального зала колхозной библиотеки открывается чудесный вид на новые корпуса многоэтажных жилых зданий для специалистов, на пансионат ветеранов колхоза, на зимний сад. Где-то рядом слышны звуки духового оркестра. Репетируют, — скоро День рыбака.

Т. ОРЛОВСКАЯ

В ДАЛЕКОЙ БИРМЕ

Когда самолет, взлетев в Калькутте, берет курс на юго-восток, очень скоро под ним оказывается зеленая страна, покрытая горными хребтами и пересеченная реками. Это — Бирма. Теплый океан омывает ее берега, а населяют страну темнокожие трудолюбивые люди.

Если раскрыть школьный географический атлас, то видно, что Бирма занимает долину полноводной реки Иравади и гористую местность по обе стороны долины. Тропический лес в Бирме называют джунглями, когда-то он покрывал всю территорию страны. Это такой густой лес, что под сводами его деревьев царит вечный полумрак. Лес полон звуков, но жизнь в нем вся наверху, на «втором этаже», в кронах деревьев, куда проникают солнечные лучи и врываются порывы свежего ветерка. Это здесь скачут по веткам обезьяны, перебираются со ствола на ствол громадные, величиной с собаку, малабарские белки, летают похожие на птиц бабочки, и пестрые, похожие на бабочек, птицы.

На мелководье рек бродят стаи цапель, в протоках жируют утки и пеликаны, а на стрежне преследуют рыб верткие черные бакланы. В густой траве пробиты тропинки. Их протоптали слоны и носороги, тут они ходят на водопой. Если стоит жара, слоны входят в воду, ложатся на бок и начинают кататься, поднимая тучи зеленого ила.

Сейчас в Бирме бурно растет население, люди давно уже заселили плодородные речные долины, свели в них леса, возделали каждый пригодный для обработки клочок земли. Джунгли, а вместе с ними и дикие животные, отступили в горы.

Когда-то в долине Иравади существовали, сменяя друг друга, богатые сильные государства. До сих пор в городах

стоят великолепные храмы, а около них возвышаются величественные статуи богов. Но в прошлом веке страну завоевали и сделали своей колонией англичане. Одно иноземное иго сменялось другим — разразилась Вторая мировая война, и в пределы Бирмы вторглась японская армия. Бирманцы упорно боролись с оккупантами, а когда Япония потерпела поражение, стали добиваться независимости и от Англии. Они победили, и Бирма вновь стала самостоятельным государством.

В повести Гиты Банерджи описывается то время, когда Бирма была английской колонией. Лес тогда подступал прямо к городу, в нем водилось много зверей и птиц, а главные перемены в жизни страны были еще впереди...

Семья, о которой рассказывает писательница, не бирманская. Это семья судьи, приехавшего из Индии. Бирма — только фон, на котором разворачивается повествование о детстве индийской девочки Мины. В зажиточных семьях Индии девочек всегда держали в доме, не давая им много свободы. Вот почему в книге так мало подробных описаний города, его окрестностей, нравов, словом, всего того, на что обязательно обратил бы внимание мальчишка, целый день шныряющий по улицам. Это же случилось и на описании тропического леса, куда отправились на охоту герои повести. А охота — важное событие, именно с нее начинается трогательная дружба девочки с медвежонком Бобби... Эти страницы — самые волнующие и, пожалуй, драматичные, потому что в конечном итоге Мина вынуждена расстаться со своим четвероногим другом.

Но книга не только об этом. Она помогает нам представить, что происходило в далекой Бирме в то время, когда тучи мировой войны уже сгустились на ее границах, когда и над нашей страной нависла грозная опасность — вражеское нашествие...

С. САХАРОВ



1.

Скоро начнется война — об этом говорят все. Но пока никакой войны нет, есть только тяжело нагруженные машины, которые каждую ночь идут

Отрывок из повести. Полностью книга выходит в издательстве «Детская литература» в Москве.

по широкой дороге через Мандалай к китайской границе. Они везут военное снаряжение. Каждую ночь мы просыпаемся от грохота: дрожит земля под тяжеленными колесами, дребезжат все доски нашего дома, только они затихнут, подходит новая колонна. И так — до утра.

Скоро начнется война. Но если бирманцы говорят о ней, будто это какая-то игра, то европейцы

и индийцы сильно напуганы. Они отсылают на родину жен и детей. Многие сеют панику.

Но только не мой зять, не Джамаи. И не наш сосед мистер Джефферсон.

— Уеду не раньше, чем сбросят бомбу на суд! — заявляет Джамаи-бабу.

Мистер Джефферсон ничего не заявляет, он только пожимает плечами. Мне кажется, что ему тут неплохо живется с восьмью собаками разных пород и размеров.

Друзей у него мало. Кроме Джамаи-бабу, он дружит с У Ба Тином — бирманцем из дома, что напротив. По вечерам они сходятся, играют в карты или рассуждают об охоте.

Собак держат почти все. У нас Джамаи-бабу устроил настоящий зоопарк: четырнадцать собак, три кошки, два кролика, одна обезьяна, два попугая и великое множество кур. Шум, гвалт! Джамаи-бабу пришлось нанять двух работников, которые присматривают за зверьем.

Что Джамаи-бабу человек необыкновенный, было ясно с того самого дня, как он явился свататься к моей сестре.

Пришел — высокий, красивый, ничего не скажешь, но когда заговорил, отец ушам своим не поверил. Спрашивает его:

— Какое приданое за невестой вы рассчитываете получить?

А тот:

— Это вы насчет посуды и разных тряпок? Ерунда! Если уж так необходимо приданое, хорошо бы вам достать пару настоящих западноевропейских овчарок.

Что делать? Не отменять же свадьбу! Невеста не может без приданого. Стал он выписывать собак. Долго хлопотал и, в конце концов, приехали из Лондона две здоровенные овчарки. Дедушка с бабушкой были настолько потрясены их видом, что кинулись в Калигхатский храм молиться о благополучии молодоженов.

Через две недели моя разнаряженная сестра Бина, Джамаи-бабу по одну ее сторону и две собаки — по другую стояли на палубе корабля, готового отплыть в Бирму.

И они уплыли.

Дома стало пусто и уныло. Отец ходил невеселый и все вздыхал:

— За кого я выдал дочь замуж? Как у них сложится жизнь?

Мы прожили почти два года, как вдруг отец пришел домой с потрясающей новостью.

— Меня переводят в Рангун, — сообщил он. — Едем в Бирму!

Я так и подскочила от счастья. Бабушка сделала суровое лицо, а дедушка спросил с явным неодобрением:

— Ты полагаешь, что можно уезжать из Индии в тревожное время?

Все замолчали. Тогда бабушка объявила:

— Если уж такая необходимость, можешь ехать. Но дети должны остаться со мной.

Отец горячился — он доказывал, что никакой войны пока нет и начнется она еще не скоро, что его переводят в Рангун всего на какой-то год, основная работа его по-прежнему будет в Каль-

кутте. Он скоро вернется. Но бабушка не сдавалась.

Споры продолжались день, два... В конце концов решили: раз мой старший брат Дада перешел в последний класс, то лучше ему остаться у бабушки с дедушкой и кончать школу в Калькутте, а насчет меня они написали письмо Джамаи-бабу и Бине, и те ответили, что я могу жить с ними. Отец будет спокойно работать себе в Рангуне и время от времени наезжать к нам в Мандалай.

Честно говоря, до той минуты, как мы поднялись по трапу парохода, я не верила, что еду.

Наш корабль медленно отходил от пристани. Все меньше и меньше становился паривший в воздухе бабушкин платок. У меня сильно защемило глаза. Впереди — Бирма! Потрясающе!

Кулькутта таяла на горизонте. Было все-таки грустно.

2.

«Дорогой папа!

Вот уже целых шесть месяцев, как мы с Бинной живем в Мандалае. У меня радостная новость: Джамаи-бабу и его сосед мистер Джефферсон собираются на охоту, они обещали взять и нас с Бинной. Через неделю мы едем в Мимунский лес, это не очень далеко от города, там водятся даже тигры. У всех (кроме меня) будут настоящие ружья. Бина трусиха, если она увидит тигра, то, конечно, тут же упадет в обморок.

Приезжай, папа, скажи своему начальнику в Рангуне, что мы очень тебя ждем. Он тебя отпустит. Я очень скучаю — это правда. Приезжай.

Твоя дочь Мина».

Вот такое я написала письмо отцу из Мандалая.

И что вы думаете — он приехал! В день нашего отъезда на охоту утром открыл калитку и сказал:

— Ого! Да вы и впрямь собрались?

Я как сидела на стволе вишневого дерева, так и бухнулась прямо на него:

— Папка приехал!

А между тем Джамаи-бабу и мистер Джефферсон уже заканчивали приготовления. Машина, в которой мы должны ехать, была загружена доверху.

До Мимуна мы добрались к вечеру. Остановились у озера в охотничьем домике.

После ужина я пошла прогуляться с собаками, а когда спохватилась — увидела, что забрела в какую-то глухомань. Стало жутко. Вдруг что-то твякнуло в кустах, и я увидела рыжее пятно — это улепетывала лиса. Овчарки Джек и Джил громко лаяли и, натягивая поводки, рвались в погоню за ней. Я еле удержала их.

Когда я с собаками вернулась к костру, то увидела, что у огня вместе с нашими сидит незнакомый бенгалец, лысый, широкоплечий. Он умудрялся одновременно жевать бетель, приветливо улыбаться и без конца болтать.

Оказалось, что он тоже занимает комнату в охотничьем домике.

Джатин-бабу — так его звали — приехал с большой компанией. За день до нашего появления они застрелили медведицу. С ней был медвежонок, месяцев пяти, который убежал в лес. Медвежонок далеко уйти не мог. Джатин-бабу уговаривал нас изловить его:

— Не ради денег, деньги меня не интересуют! Нет, пусть все знают, какой я охотник!

Да, болтал он, как заведенный.

Вечером в охотничьем домике я долго лежала в постели, пытаюсь считать за окнами светлячков. Сквозь москитную сетку я хорошо видела, как они мелькают в темноте. А это что еще карабкается прямо против окна на пальму? Большое, черное...

А вдруг это убитая медведица ищет медвежонка? Зверь с удивительной легкостью проскользнул через прутья оконной решетки и очутился в комнате. Вот медведица поднимает лапу. Она все ближе... ближе...

Я закричала страшным голосом и проснулась.

Когда переполох, вызванный моим криком, утих, темнота опять начала сгущаться. За окном снова возник силуэт медведицы, а светлячки опять стали превращаться в фонарики. Потом медведица пошла бродить по комнате, что-то вынюхивая по углам, но я уже спала...

Рано утром мы все отправились в лес. Шли гуськом: впереди наш работник бирманец Абдул, за ним — овчарки, потом — мы. Оружие наготове. Джамаи-бабу и мистер Джефферсон замыкали группу. Шли молча.

Собакам не терпелось пойти по следу, они рвались с поводков.

То и дело попадались озерца. Их голубая, вся в зеленых пятнах поверхность поблескивала под солнцем. Время от времени мы вспугивали стайки диких уток. Они взлетали, звонко треща крыльями.

Лес становился все гуще, тропинка все уже,

порой она вовсе исчезала. Из-под ног то и дело взлетали стайки бабочек.

И вдруг впереди послышался шум: овчарки Джек и Джил захлебывались оглушительным лаем. Голос Абдула звал:

— Сюда, скорей сюда! Медведь!

Все бросились в заросли. Когда я догнала их, все столпились у островка колючих кустов, толкались, кричали, овчарки, оскалив клыки, с грозным рычанием носились кругами. Абдул и мистер Джефферсон быстро разворачивали сеть.

— Вот он! Я его вижу!

— Заходи с той стороны!

— Уберите собак!

Я только вертела головой: что тут творится? Рядом со мной в испуге замерла Бина. Мужчины ловко набросили на кусты сеть и вытащили оттуда ком черной шерсти, который верещал и вырывался с невероятной силой. Это был медвежонок. Зверь рычал и бился так, что его с трудом удерживали трое взрослых мужчин.

Я старалась рассмотреть медвежонка через сеть. Черная шерсть, красные глазки, на груди под самой шеей — белый треугольник.

Я присела у сети, осторожно протянула руку и почему-то сказала:

— Бобби!

Медвежонок зарычал еще сильнее — он пытался перегрызть сеть.

— Бобби!

— Его нужно связать, — сказал Абдул.

На медвежонка накинута петля и тогда я, расхрабрившись, дотронулась до него:

— Бобби!

Но тут зверь молниеносным движением выбросил лапу, и в мою руку вонзились когти.

Я отскочила, увидела, как сильно течет кровь, и чуть было не завопила. Стиснув зубы, решила — перетерплю боль.

Так в нашем доме появился Бобби.

Окончание следует

Перевела с хинди М. САЛГАНИК





ГОРНИСТ ПИОНЕРСКОГО ДЕТСТВА

В жизни бывают такие минуты, когда о многом думается и о многом хочется поговорить — о самом заветном и дорогом. В сосновом бору, недалеко от черкасского пионерлагеря «Сви-танок», в наступившей темноте ярко горели костры. Ребята молча подбрасывали в огонь сухой хворост, и в небо маленькими звездочками улетали искры. Они, делегаты II Всесоюзного слета тимуровцев, пережили незабываемый день — побывали на том месте, где октябрьским утром далекого и грозного 1941 года Аркадий Гайдар, поднявшись на насыпь около будки путевого обходчика и заметив вражескую засаду, крикнул: «Ребята, немцы!» Короткая пулеметная очередь оборвала жизнь писателя-бойца. Молча стояли мальчишки и девчонки на зеленом бугре и слушали взволнованный рассказ боевого друга Гайдара — Василия Ивановича Скрипника о партизанском отряде, о боевых подвигах писателя, о том героическом дне, когда пуля пронзила сердце Гайдара...

Тимуровцы вели неторопливый разговор о времени и о себе, о своих делах, рассказывали, как они идут дорогами Гайдара. Неожиданно для всех у костра прозвучал вопрос вожатого:

— А кого из героев сегодняшних книг вы бы могли поставить рядом с Тимуром? По своему характеру, поступкам, умению встать решительно на защиту правды?

Первым руку поднял мальчишка из Арзамаса.

— Я бы рядом поставил с Тимуром Гараевым героя повести «Мальчик со шпагой» — Сережу Каховского. Мне нравится этот герой потому, что он смел и отважен, умеет ценить дружбу и никогда не предаст товарищей. Книгу эту написал свердловский писатель — Владислав Петрович Крапивин.

И тут заговорили все: оказалось, что многие читали эту повесть, знают, что в Свердловске действует морской юнкоровский отряд «Каравелла», что пионеры этого отряда совершают интересные путешествия, хорошо владеют морским делом, крепко держат в руке рапиру. И вообще — ребята что надо. Я слушал взволнованные голоса делегатов тимуровского слета и радовался за «Каравеллу», чья история насчитывает сегодня уже двадцать лет, за ее бессменного вожатку и командира — лауреата премии Ленинского комсомола писателя Владислава Петровича Крапивина.

Почему его повести и рассказы волнуют читателей? Почему в редакцию «Пионера» приходят сотни писем с просьбой «написать продолжение» «Мальчика со шпагой», «Колыбельной для брата»... Одно письмо немало поразило журналистов, прочитавших за свою жизнь тысячи детских писем. На конверте стоял адрес: Москва. Журнал «Пионер». Сереже Каховскому. «Меня зовут тоже Сережей. Я пока не такой сильный и смелый, как ты. Но я хочу быть таким и прошу дружить со мной».

А вот еще одно письмо: «Меня зовут Лена Александрова. Мне 13 лет. В журнале «Пионер» была напечатана повесть Владислава Крапивина «Мальчик со шпагой». Мне она очень понравилась. Понравились ее герои: Сережа, Наташа и Гена. Скажите, пожалуйста, существуют ли эти ребята или автор этой повести выдумал их сам?»

Чтобы до конца понять эти вопросы и ответить на них, надо обязательно побывать в самой «Каравелле», поговорить с ребятами, увидеть, как они относятся к своему командиру и как он относится к ним.

Мне дважды приходилось встречаться с каравелловцами, спорить с ними, читать их нестандартную стенную газету, листать их литературный журнал «Синий краб», смотреть смешные фильмы, снятые их студией. Еще когда-то Аркадий Гайдар говорил, отвечая на вопрос, как он находит общий язык с ребятами: «Я говорю с ними на равных». Таков и Владислав Крапивин. Его авторитет непререкаем. Но я ни разу не слышал, чтобы он повысил голос на кого-то из ребят. Он приезжает в Москву и первым делом звонит в Свердловск: «Как там дела в «Каравелле»? Он может часами искать у букинистов антикварную книгу по истории мореплавания, чтобы, приехав в родной город, прочитать ее вместе с ребятами, открыть что-то новое о рус-

ских путешественниках. У него дома — атмосфера моря. Значки и марки — о кораблях. На стене — карты океанов. На полках — книги о море. Он днюет и ночует в кают-компании — пионерском клубе и учит ребят не только морскому и юнкоровскому делу, но самому сложному в жизни — быть настоящим человеком. Недаром в уставе «Каравеллы» записано: «Я вступаю в бой с любой несправедливостью, подлостью и жестокостью, где бы их ни встретил. Я не стану ждать, когда на защиту правды встанет кто-то раньше меня».

И каравелловцы встают на защиту слабых. Первыми за справедливость начинают бороться ребята из «Каравеллы». Не все и не сразу могут понять смелые поступки воспитанников Крапивина. Но поняв, становятся их единомышленниками.

Так существует ли на самом деле Сережа Каховский из повести «Мальчик со шпагой» и Кирилл Векшин из «Колыбельной для брата»? Вряд ли кто из писателей может дать точный адрес своих героев. Не было таких адресов ни у Тома Сойера, ни у Тимура Гараева... Но Владислав Крапивин увидел своих героев вокруг себя, он живет рядом с ними. Так же, как Гайдар «подглядел» в «Артеке», в своем московском дворе ребят, чем-то напоминавших Тимура.

Каравелловцы о своем отряде написали две увлекательные книжки — «Чем крепче ветер» и «Море в конце переулка». Прочитайте их и вы поймете, что в этом отряде нет места скуке, что каждый занят своим любимым делом и предан друзьям.

В свои сорок с лишним лет Крапивин остается в душе мальчишкой. Так получилось, что в Гаване я оказался во дворе гостиницы, где останавливался командир «Каравеллы». И я, увидев мальчишек, которые гоняли мяч, вспомнил забавный случай. Крапивин, оказавшись среди взрослых футболистов, несмотря на свой не футбольный костюм, с удовольствием погонял мяч вместе с юными кубинцами. Таков он в жизни. Таков он в своих книгах, переведенных на многие языки мира: «Оруженосец Кашка», «Та сторона, где ветер», «Всадники со станции Роса», «Летающие сказки»...

...Догорали гайдаровские костры в сосновом украинском лесу. Мерцали угли. Стояла удивительная тишина. Где-то рядом луна смотрела на тихую гладь Днепра. И мне подумалось, — хорошо, что в нашей жизни и литературе были и есть горнисты пионерского детства, хорошо, что рядом с ребятами шагает Тимур Гараев, Сережа Каховский, Кирилл Векшин и многие другие.

С. ФУРИН,
главный редактор журнала «Пионер»

Всем читателям «Костра»: В. П. Крапивин закончил новый роман «Журавленок и молнии», начало — в первом номере «Пионера» этого года.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

А. САВЧУК

Рисунки Б. Аникина

ДОБРОЕ ДЕЛО

Сидим мы с Валеркой во дворе, скучаем. Я и говорю ему:

— Сидим мы с тобой, скучаем. А знаешь, отчего мы скучаем?

— Скучно, потому и скучаем, — говорит Валерка.

— Скучаем мы потому, — говорю я, — что бездельничаем. Давай какое-нибудь доброе дело сделаем!

— Давай.

Огляделся я вокруг:

— Вон у подъезда ржавая батарея стоит. Кто-то поленился до мусорника дотащить, так и бросил у двери. А если какой-нибудь малыш опрокинет ее на себя?

— Мне утюг на ногу упал и то было больно, — говорит Валерка.

— Вот видишь! Давай оттащим батарею к мусорнику!

Так-сяк подняли мы батарею и понесли. Руки растянулись от тяжести, чуть до земли не достают. Еле дотащили!

Вернулись мы на скамейку и уже с чистой совестью отдыхаем. А тут из того подъезда, где батарея стояла, выходит дядя Федя, наш сантехник. И вроде бы что-то ищет. Опять в подъезд зашел, потом выбежал, головой налево-направо вертит.

— Ребята! — говорит нам. — Вы не видели, кто мою батарею украл?

— А что, она вам очень нужна? — спрашивает Валерка.

— А как же! В пятнадцатую квартиру обещал поставить.

— А мы думали, ее выбросили, — говорю я. — Ржавая она какая-то, вот мы и отнесли ее к мусорнику.

— А кто вас просил?! — накинулся на нас дядя Федя. — А ну, тащите ее немедленно назад!

Делать нечего — тащим батарею назад. Она, проклятая, еще тяжелее кажется.

Сели мы опять на скамейку, отдышаться не можем.

— Ничего, — утешаю я Валерку, — зато мы доброе дело сделали!

— Сразу два дела, — говорит Валерка.

— Как «два»?

— А так. Первое — оттащили батарею к мусорнику. Второе — притащили ее назад.

СРОЧНЫЙ РЕМОНТ

Заходит к нам домой дядя Вася и ко мне обращается. Уважительно так обращается, как ко взрослому.

— Сосед! — говорит. — У меня к тебе просьба. Слыхал я, что ты в телевизорах малость разбираешься. У меня, понимаешь, телевизор забарахлил, а через час футбол. Погляди, может быть, починишь.

— Что ж, — говорю, — поглядеть можно.

Прихожу к нему, а у него, оказывается, старый «Рекорд». Как раз такой телевизор в нашем школьном радиокружке стоит.

Взялся я телевизор разбирать. Дядя Вася рядом стоит, наблюдает.

— Не волнуйтесь, — говорю ему, — я в радиокружке такой телевизор сто раз разбирал!

Ну, нашел я неисправность, собрал телевизор и говорю:

— Уже починил, можете включать.

Дядя Вася включил. А телевизор — ни гу-гу!

— В чем дело? — занервничал дядя Вася. — То хоть звук был, а теперь и звука нет!

Я и сам растерялся. Предохранители на свет посмотрел, шнур подергал. Вроде бы все в порядке, а телевизор не работает...

Хотел я было снова его разбирать, а дядя Вася сердится:

— Не надо! Я лучше мастера из ателье вызову. Можешь идти гулять!

Пошел я, расстроенный, к двери, а тут тетя Маша, дяди Васина жена из кухни кричит:

— Василий! Почему утюг не греется? Может, пробка перегорела?

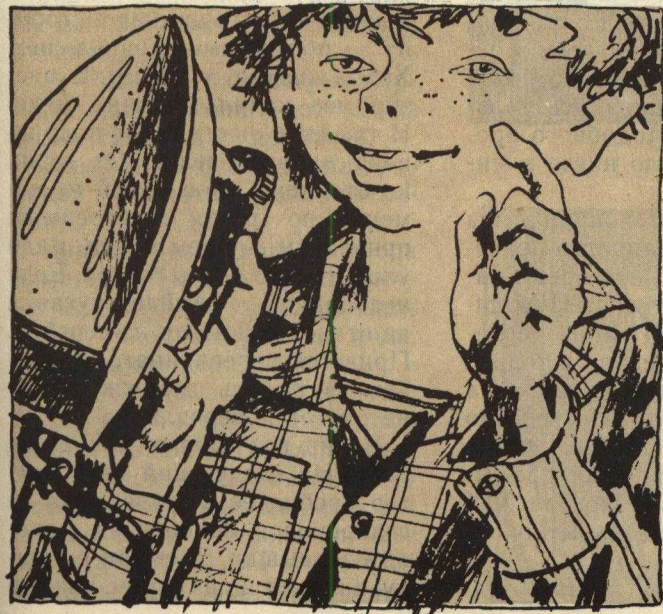
Дядя Вася кинулся к счетчику, сменил пробку. А телевизор как заорет!

— Ожил, родимый! — расцвел дядя Вася.

Я вернулся, смотрю — телевизор работает прекрасно!

— Э, — говорю, — да у вас утюг неисправен! Вот от него-то и пробка перегорела!

Взял я да еще и утюг починил.



ЗАПАХ КОЛБАСЫ

Очень мне захотелось, чтобы мой пес Марсик носил мне в школу портфель. Вот все из класса будут завидовать мне!

И я взялся дрессировать Марсика. Оказалось, что это очень непростое дело! Чтобы он понял, что от него требуют, я становился на четвереньки, брал портфель в зубы и прыгал по комнате, да еще и лаял.

— А теперь это же самое сделай ты! — строго говорил я Марсику.

Но он только весело смотрел на меня и вертел хвостом.

Когда я начал класть в портфель кусочек колбасы, Марсик проявил к дрессировке интерес. Сначала он стал брать портфель в зубы, а потом и носить его.

И вот настал день, когда я впервые вышел со своим дрессированным псом на люди. Иду я по улице, Марсик идет рядом и портфель несет. Чтоб ему не тяжело было, я положил в портфель не все учебники, а лишь математику, а также тетрадки и завтрак — булку с вареньем. Все на нас внимание обращают, особенно малыши.

А возле школы я встретил своих одноклассников. Вадик Соловьев, так тот даже позеленел от зависти! У него тоже есть пес, но его пес, кроме собственного поводка, в зубах ничего не носит.

И тут случился конфуз: вдруг Марсик бросает мой портфель и хватается за портфель Вадика!

Вадик спрашивает, ехидно так:

— Почему это он тебя не слушается, без команды портфель бросил?

Мне стало стыдно за Марсика. А потом я догадался:

— Слушай, — говорю Вадiku. — Хочешь, я скажу тебе, что ты взял сегодня на завтрак?

— Ну, скажи, — удивляется Вадик.

— Бутерброд с колбасой!

— Точно! Откуда ты знаешь?! — еще больше удивился Вадик.

Я ему ничего не ответил. Зачем ему знать?



Так было заведено еще при Иване Грозном — стрельцы, что стояли в карауле на высоких башнях московского Кремля и зорко смотрели окрест, с приближением темноты переключались, означая каждый час:

— Славен город Киев! — басил стрелец на далекой башне, начиная славить первые города русской земли.

Тотчас громко отзывался стрелец на соседней башне:

— Славен город Новгород!

— Славен город Владимир! — слышалось с третьей.

— Славен город Смоленск!

— Славен город Устюг!

— Славен город Москва! — раскатисто доносилось с главной башни.

В древней Руси было несколько городов, которые народом прозывались Великими. Вместе с Господином Великим Новгородом, сказочно прекрасным Ростовом Великим, стоит один из древнейших городов Севера — Великий Устюг.

Во времена расцвета Владимиро-Суздальской земли, в XII—XIII веках, возник он за лесами и болотами, на далеких северных рубежах княжества, на берегу широкой Сухоны, при впадении в нее реки Юг, вблизи устья.

Устюг собирал под власть Москвы Северные земли. Устюжане достигали самых отдаленных окраин тогдашнего мира. Отсюда вышли Ерофей Хабаров, Семен Дежнев, Владимир Атласов.

В XVII веке Устюг отложил меч воина и обратился к торговле и ремеслам, что было предопределено его расположением при слиянии рек Сухоны,

Юга, Вычегды и Северной Двины.

Стекались в Устюг пушнина и кожа, зерно и соль, резная кость и восточные ткани, товары из Англии и изделия русских ремесленников. Нарасхват шли изделия устюжских кузнецов, кожевников, гончаров, плотников, иконописцев, каменщиков, ювелиров...

СТАРАЯ ТАЙНА

Искусство чернения по серебру и золоту было известно еще в Киевской Руси.

Главное достоинство устюжской черни — прочность и глубина тона. Мастера гордились ее стойкостью и при удобном случае доказывали это на наковальне. Серебряную пластинку с черневым рисунком они клали на наковальню и молотом ударяли по ней так, что она расплющивалась и становилась вдвое больше, и рисунок и чернь вместе с пластинкой раздавались во все стороны равномерно, и от пластинки ни малейшая частичка не отпадала. Чернь изнашивалась только с металлом. Подобного производства не было нигде в мире.

Ни один посторонний глаз не смел видеть таинство приготовления черни — секрет хранили как зеницу ока. И родилась легенда, что тайна черневого состава передается только близким родственникам на смертном одре... Постепенно круг посвященных все более сужался — старинный промысел замирал и на исходе XIX века едва не был забыт окончательно.

В 1883 году газета «Вологод-

ские губернские ведомости» писала: «С 1852 года единственным мастером и представителем великоустюжской серебряной черневой работы остался мастер Кошков, в настоящее время имеющий около 70 лет от роду».

Кошков был отличным гравером и художником. Ремесло свое почитал за святое дело, относился к нему истово.

Рано утром уходил в свою мастерскую, небольшую пристройку у дома, плотно закрывал дверь. Разжигал в горне заготовленный заранее уголь, клал в котел в одному ему известном порядке серебро, свинец, медь, серу, лил нашатырь... И начинал качать меха — нужно держать в горне температуру около тысячи градусов. В котле шипело, валил густой ядовитый дым. Мастер кашлял, рукавом смахивал слезы. Приходилось открывать и двери, и окна.

Глухо гудел огонь. У горна жарко, а ступи на шаг в сторону — под ногами скрипит снег. Холод хватал со спины, а мастер все качал и качал меха. И так пять-шесть часов подряд, пока варится зелье. От горна не отойдешь — в какой-то момент, по почти неуловимым признакам, чутьем почти, надо уловить, что чернь готова. Если недоварить — выйдет тугая и не станет ложиться на серебро. Придется переваривать. А если хоть чуть-чуть пережжешь — не спасет и переплавка.

Чернь получалась как кусок угля. На следующий день мастер дробил ее в ступе, пока не становилась похожа на маковые зернышки. Засыпал в чашку, заливал нашатырем, так что

получалась каша, и ставил на деревянный стол, рядом с фартуком, прибитым гвоздями к полукруглому вырезу.

Чернь готова.

Теперь можно было браться за выполнение заказов: перстней, табакерок, стаканов, брошек, ножей для бумаг, столовых наборов... По рассказам устюжан, Кошков выполнял заказы трех царей.

Прежде чем приступить к своим хитростям, старый мастер молитвенно замирал на несколько минут перед серебряной пластинкой и уже потом делал первый штрих...

Когда Кошков умер, одна из газет писала: «...Прекратила свое существование эта старинная и некогда славная местная работа».

Но старик Кошков еще в 1885 году, за одиннадцать лет до смерти, после восьмилетнего обучения мудрости ремесла передал секрет изготовления черни своему внуку Михаилу Чиркову.

От одного человека зависела теперь судьба северной черни. Длинный список мастеров обрывался на нем. Чирков, конечно, понимал свою ответственность за судьбу старинного мастерства.

Надежный он был человек. Терпеливо ждал своего часа и большую свою тайну не спешил передавать.

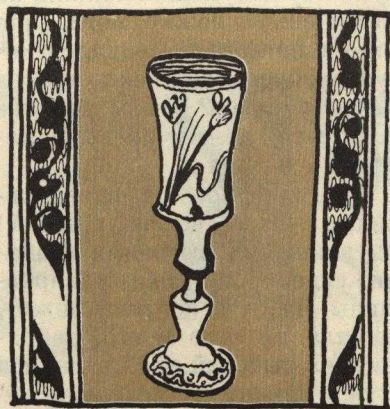
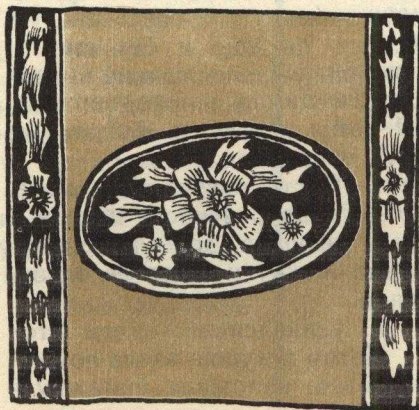
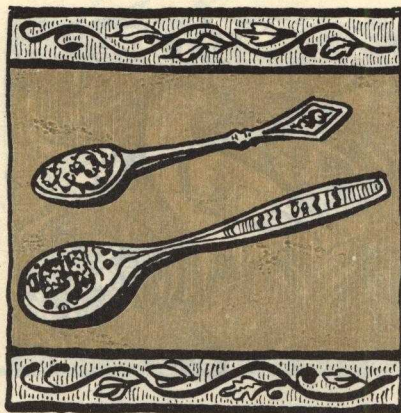
Перед первой мировой войной приехали в Устюг иностранцы, разыскивали его домик. Не понял Чирков — немцы или англичане.

— Раскрой нам секрет черни, — сказали они и достали из возка саквояж с деньгами. — Будешь жить безбедно за границей. Заплатим тебе пятнадцать тысяч!

Чирков посмотрел на своих домашних. На лавках и на печке мал-мала меньше, одиннадцать голодных ртов в доме. А тут такие деньги...

Гордый человек был Чирков. Нахмурился и сильно разозлился на незваных покупателей:

— Испокон веку берегли эту тайну устюжские мастера, — сказал он. — Дедом она мне завещана, чтобы в России быть. Непродажное мое мастерство.



КОМСОМОЛКА МАРИЯ УГЛОВСКАЯ

Тяжелыми были для Чиркова годы гражданской войны, интервенции. Кончилось серебро, кончились и заказы. Пришлось сложить инструменты и ждать лучшего. Положение было тяжелое, семья голодала, но Чирков терпеливо переносил трудности.

В 1929 году Устюжский союз промысловой кооперации предложил Чиркову изготовить образцы изделий. Изделия его работы произвели в Москве большое впечатление. Немедленно было отпущено для первых работ 18 килограммов серебра и 15 тысяч рублей на оборудование мастерской. Возникла в Устюге новая артель «Северная чернь». У Чиркова появились молодые ученицы — девушки из деревни Угол. У всей деревни была одна фамилия — Угловские.

Чирков учил их сначала рисовать на бумаге, разбираться в рисунках, ценить точную и смелую линию. Затем научил гравировать по меди, безошибочно владеть резцом. И только после этого перешли на гравировку серебра. Гравировку начинали с простых рисунков и постепенно переходили к более сложным, учились сочетать синеватый отлив черни с белым холодным цветом металла.

Одна из учениц — Мария Угловская еще с детства интересовалась рисованием и вышивкой. Рисунку на бумаге у Чиркова она обучалась месяца полтора, гравировала на меди и через два месяца перешла на гравировку серебра. О таких сроках обучения граверы в старое время не могли и мечтать. Угловской помогло не только ее дарование, но и упрямый характер.

За три года Чирков сделал Марию квалифицированным гравером. Тогда как в старину для этого требовалось не менее семи лет.

Не таился старый Чирков от своих подмастерьев, часто видел девушки, как колдовал он над графитным тиглем, где кипела расплавленная чернь.

Чирков долго приглядывался к своим ученицам, выбирал — кто бы мог принять от него наследство устюжских мастеров — тайну составления черни. Наконец решился. Торжественно сказал:

— Назову Маню Угловскую.

Составление черни — весьма длительный процесс, и освоение его требует по крайней мере несколько месяцев. Очень старалась Мария, но первые плавки не удались.

— Ничего, — успокаивал Чирков. — И у меня так было.

Через два месяца, в рекордно короткий срок, у нее получилась первая удачная плавка.

Упрямая Мария стала работать самостоятельно. У нее и у ее учениц учились все современные мастера Великого Устюга.

С тех пор вековая тайна черни как бы перестала существовать. Но поныне есть и будет секрет черного мастерства, как есть свой секрет в каждом творческом деле.

ЛОЖКА НА СВАДЬБУ

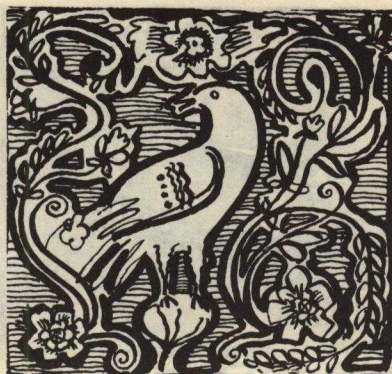
Я приехал в Устюг ранней весной. Свернул с главной асфальтированной дороги и по дощатым мосткам пошел по узенькой улочке. Длинный белый дом. Здесь и находится знаменитый завод «Северная чернь».

Не знаю, есть ли место, где можно увидеть сразу столько серебра. Его привозят целыми листами. С ним обращаются как с обычным металлом. Не серебро над человеком, а человек над серебром.

При мне принесли в подготовительный цех толстые листы обыкновенного темного металла. Если бы рабочий не предупредил, я бы ни за что не догадался, что это — благородное серебро. Лист пропустили сквозь вальцы, и он стал в толщину обыкновенной ложки.

— Вот из этого листа сделаем свадебный набор, — улыбнулся рабочий.

Грохнул вырубной штамп — и из листа выпал кусок металла, вырубленный по величине



ложки. Его передали на соседний штамп, еще удар — и он уже имеет форму ложки.

В изделии самое главное — рисунок. Его дают художники. Они решают, какой рисунок ляжет на ложку. Рисунок сохраняет традиции и в то же время делает вещь современной, пластичной. Художник рисует на бумаге рисунок и отдает опытному граверу. Тот, глядя на рисунок, острым резцом-штихелем вырежет такой же точно на ложке. Это и есть образец.

В коридоре, рядом с лампой дневного света, я заметил обыкновенную керосиновую лампу, да еще и без стекла. Фитиль оказался сильно вывернут, и лампа жирно коптила. Я хотел укоротить фитиль, но мне сказали:

— Пусть коптит. Так надо.

Из гравировочного цеха вышла девушка, достала из кармана ложку и густо ее закоптила.

Я удивился — зачем это?

Потом девушка взяла ложку-образец, наложила бумажку и сильно потерла пальцем. Рисунок перешел на бумажку. Эту бумажку девушка наложила на закопченную ложку, погладила ее — и на копоты появился рисунок точно такой же, как на ложке-образце. Чтобы рисунок не стерся, ложку покрыла лаком.

Цех, где работали гравировщицы, был светлый-светлый! За длинными высокими столами сидели девушки-гравировщицы. Та, что коптила ложку, прошла на свое место, забралась на высокий вращающийся стул, накнула передник. В

правую руку взяла острый штихель, левой прижала ложку к столу и легкими быстрыми движениями стала вырезать на ложке веточку с листьями и плодами. Так свободно и смело мог работать только мастер. Тоненькая, блестящая стружка падала в передник, край которого был прибит гвоздями к столу.

Когда рисунок был вырезан, девушка осмотрела ложку, улыбнулась и в уголке еще что-то вырезала. Мне дали лупу и я рассмотрел две буквы: «Л. К.», что означало — Люда Косунова. Так звали гравировщицу.

Потом ложку отнесли в другой цех и отдали высокой, крепкой женщине — Здроговой. По профессии Галина Алексеевна — чернильщица.

Она зачерпнула черни из банки и намазала ложку. Зажала ее длинными щипцами и поднесла к сильной газовой горелке. Газ со свистом обжигал ложку и раскалил ее так, что вокруг разлилось зеленоватое сияние. Чернь расплавилась. Работница мгновеннохватила ложку из огня и стала махать щипцами, как саблей, крутить, словно сковородой, стараясь, чтобы чернь растеклась по ложке ровным слоем, наполнила самые тонкие штрихи.

Ложка стала черная, будто вымазана дегтем.

Теперь нужно было проявить рисунок. Сначала ложку легонько ободрали на наждачном круге. Потом почистили тончайшей наждачной шкуркой. Затем на мягком войлочном круге с мастикой. Причем, мастику мастер сам варил по собственному рецепту: из сала, парафина и наждачной пыли.

Вот чернь осталась только в канавках, выгравированных резцом. Отполированная ложка сияла. Я увидел красоту старинной работы, сделанной по заветам дедов.

Серебро блестело спокойно, благородно. Растеклись по нему черневые извивы, будто острое перо прошло по светлой глади. Стародавняя, подлинная красота. Многотрудное русское искусство.

ВЕСЁЛЫЙ ЗВОНОК



Неудача

— Полно, Аня, слезы лить!
— Что с тобой случилось?
— Мне посуду надо мыть,
А она разбилась!

В. Нестеров



— Что такое «птичий базар»?
— Это рынок, где продают птиц.



— Из чего получают хлопчатобумажную ткань?
— Из бумажного хлопчатника!



— Назови пример сельскохозяйственной культуры.
— Трактор.



Смешные ответы прислали:
Дима Харитонов
(пос. Белокуриха),
Роза Тарасова
(Сулгача, Якутской АССР),
Андрей Чернов и Володя Швецов
(Чебоксары)

Конкурс „...И ВСЕ ЗАСМЕЯЛИСЬ!“



В школьной библиотеке было оживленно. Кто читал свежие журналы, кто выбирал для себя новые книги. Вдруг в комнату вошел маленький мальчик и спросил у библиотекарши:

— Скажите, пожалуйста, у вас нет второго тома «Куручки Рыбы?»

И все засмеялись.

Люда Левша,
4 класс,
Калуга



На уроке истории в шестом классе Лидия Тимофеевна рассказывала о картинах Рафаэля, а потом спросила одного ученика:

— Чем отличаются картины художников Возрождения от живописи Средневековья?

— В них люди похожи на людей! — ответил ученик.

И все засмеялись.

Лена Моисеева,
7 класс,
Киев



У нас в классе у одного ученика спросили:

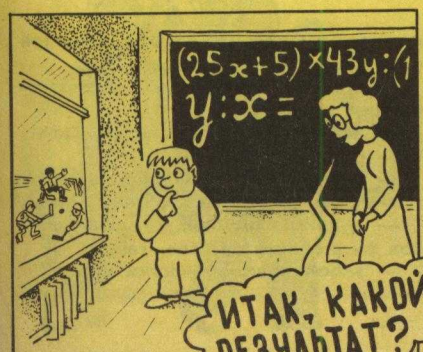
— В каком году был основан город Петербург?

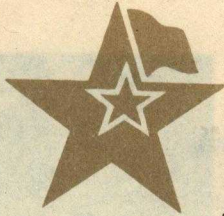
А ученик ответил:
— В тысяча семьсот ноль третьем году!

И все засмеялись!

Оля Апалькова,
7 класс,
село Кунач
Орловской области

ПРО ШКАПИНА ГРИГОРИЯ (первая история)





ШКОЛА БУДУЩИХ КОМАНДИРОВ

Каждый год 23 февраля советские люди отмечают День Советской Армии и Военно-Морского Флота. От души поздравляю весь личный состав Школы будущих командиров с этим всенарод-

ным праздником. Желаю крепкого здоровья, отличной учебы и успеха в юнармейских делах.

Главный консультант Герой Советского Союза
генерал-лейтенант МЕДВЕДЕВ

РАЗМЕРЫ НЕКОТОРЫХ ОБЪЕКТОВ

Каждому юнармейцу не лишне запомнить размеры некоторых широко встречающихся предметов.

Одноэтажный капитальный дом — 4,0—4,5 м (высота);

Деревянный одноэтажный дом с крышей (деревенский) — 7—8 м (высота);



Расстояние между столбами линии связи — 50—60 м;

Пассажирский вагон — 4,25 м (высота), 24—25 м (длина);

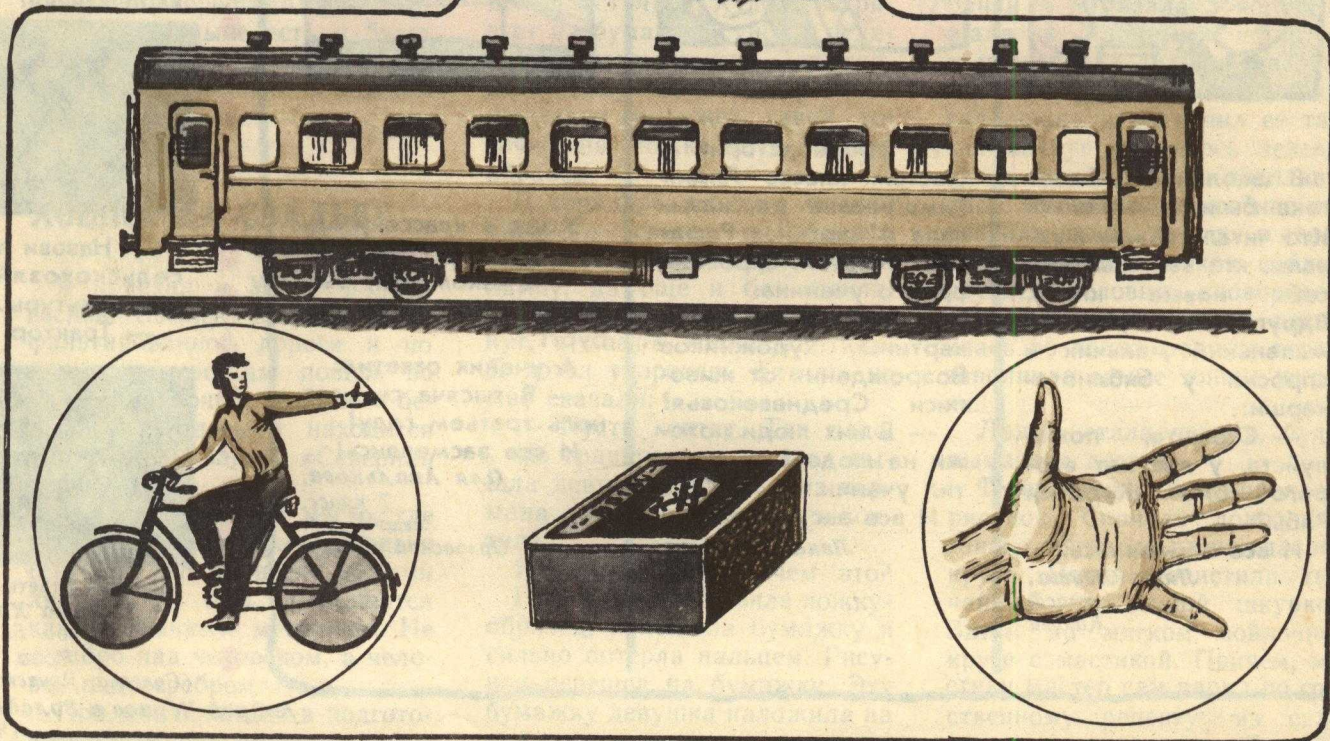
Велосипедист — 1,7 м (высота), 1,7 м (по длине);

Человек среднего роста — 1,65 м;

Средняя длина вытянутой руки — 0,6 м;

Расстояние между концами большого пальца и мизинца (растопыренных) — 0,2 м;

Спичечная коробка — 17 мм (высота), 38 мм (длина), 55 мм (ширина).



Трудно представить лучшее место для отдыха, игры, пионерского похода, чем лес. Но всегда нужно помнить, что лесная местность затрудняет передвижение и ориентирование, усложняет наблюдение. Ветер в лесу на расстоянии 100—200 м от опушки почти не чувствуется. Летом в лесу холоднее, чем в поле, а зимой теплее. Земля в лесу промерзает не так сильно, как на открытой местности. В густом лесу снег сходит на 2—3 недели позже, чем на открытых участках.

КАК ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ В ЛЕСУ?

В лесу лучше всего ориентироваться по компасу. Разумеется, можно использовать и различные местные признаки, о которых мы вам рассказывали в предыдущем выпуске (кора деревьев, муравейники, лишайники, пни и др.). А что же мож-

но использовать в лесу в качестве ориентиров? Прежде всего это:

— просеки, дороги и их пересечения;

— перекрестки и развилки дорог;

— реки и ручьи;

— формы рельефа (обрывы, крутые скаты, вершины, курганы, ямы);

— поляны, вырубки, границы участков редколесья (кустов, гарей);

— заболоченные участки и т. п.



ПЕРВЫЙ КАВАЛЕР ОРДЕНА КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Первым орденом Страны Советов стал орден Красного Знамени. Он был учрежден 16 сентября 1918 года. А первым, кто удостоился чести носить этот орден, был выдающийся советский полководец Василий Константинович Блюхер.

Летом 1918 года в районе Южного Урала вспыхнул мятеж Чехословацкого корпуса и оренбургских казаков. Рабочие отряды уральцев оказались отрезанными от регулярных

частей Красной Армии. Отряды повели партизанскую войну с белогвардейцами. Затем, объединившись под командованием Блюхера, они совершили беспримерный в истории гражданской войны поход и соединились с основными силами Красной Армии близ Кунгура. В течение 54 дней отряды Блюхера преодолели свыше 1500 километров по горам, лесам и болотам. Больше 20 раз вступали они в схватку с врагом, разгромив 7 белогвардейских полков. Вот за этот, ставший легендарным поход Василий Константинович Блюхер и был награжден орденом Красного Знамени.

МАРАФОНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

В 490 году до нашей эры неподалеку от Афин произошло сражение между греками и персами. Греки под предводительством полководца Мильтиада одержали яркую победу. Численное превосходство было на стороне персов, но моральное — на стороне греков, защищавших свою родину. К тому же Мильтиад проявил себя как талантливый, изобретательный полководец. Персы имели значительное превосходство в центре и, опасаясь прорыва в центре, усилить глубину центральной фаланги. Но он поступил как раз наоборот: еще больше ослабил центр и усилил фланги! Как вы думаете, почему он так поступил? Поставьте себя на место греческого полководца и попытайтесь «выиграть» сражение.

ВОЕННЫЙ СЛОВАРЬ

ПОЛКОВНИК. — Так называли человека, который командовал полком. Он назначался или выбирался (у казаков), чтобы возглавить полк во время похода. Со временем название должности превратилось в воинское звание.

В Советской Армии звание полковник введено с 22 сентября 1935 года.



ГРЕЧЕСКИЕ
ВОИНЫ



ДВА БРАТА И ВЕЛИКАН

НЕНЕЦКАЯ СКАЗКА

Жили два брата, два человека. Один был богач, другой — бедняк. У бедняка только старый чум да старая мать. А у богача девять тысяч оленей, их пасут девять пастухов, которые живут в девяти чумах. Да ещё у богача большой чум, в котором живут его девять жен.

Пришел однажды бедняк к богатому еды попросить. Совсем ничего у него не осталось. Богатый сказал:

— Покою нет! Надоел ты мне! Когда у тебя будет своя еда?

Выгнал, не дал ни куска.

Бедняк вернулся домой. Голодные, они с матерью легли спать. Наутро он пошел на охоту. А что за охота на пустой желудок? Далеко ходить — сил нет, близко ходить — зверя нет. Без добычи вернулся. И на другой день опять без добычи. И на третий...

Мать его пошла к проруби за водой. Смотрит: на той стороне реки великан стоит. Он тоже заметил старуху. На своих огромных лыжах раздвинул и подъехал.

— Что делаешь, бабушка?

— За водой пришла, — отвечает старуха. — Сын с охоты вернется — хоть кипятком свой холодный живот согреет. Мы уже давно ничего не ели. Не везет ему на охоте.

Великан задумался. А потом вдруг сунул руку в прорубь. Когда вытащил — на каждом пальце его была большая рыбина. Прилипли они к его пальцам. Великан стряхнул рыбу на снег и говорит:

— Вот, бери, вари, сама ешь, сына корми. Сыну скажи: пусть ловит рыбу, как я.

Великан попрощался и пошел на ту сторону реки. Несколько шагов сделал — и там.

Старуха сварила рыбу. Вернулся сын. Опять ничего не принес. Старуха говорит:

— Смотри, какой жирной рыбы я наварила. Долго мы не ели, теперь наедемся.

Сын удивился:

— Мать, как ты добыла такую рыбу?

Мать рассказала о встрече с великаном. Наутро бедняк пошел к проруби. Он опустил туда руку, как это делал великан, и сразу почувствовал, как руку потянуло вниз. Он с трудом вытащил руку: к каждому пальцу прилипла большая рыбина. Стали они с матерью сытно жить.

Однажды сын говорит:

— Мать, ты свари рыбы, а я пойду в гости к великану.

Он пошел по лыжному следу на ту сторону реки. Долго шел и вот увидел огромный чум. Около чума остановился, снял лыжи, вошел. В одной стороне чума спал великан. Жена его сидела рядом. В другой стороне чума сидели каменные старик и старуха с раскрытыми ртами. Жена великана увидела гостя и начала будить мужа. Но тот не просыпался. Тогда она ударила его по голове рукояткой ножа. Великан вскочил. Увидел бедняка и сказал:

— Это хорошо, что ты пришел ко мне в гости. — Потом посмотрел в сторону и крикнул: — Мои лыжи, мой пояс, мой аркан, где вы?

В тот же миг к нему подъехали лыжи, подползли пояс и аркан, пояс обернулся вокруг его огромного брюха, аркан намотался на руку. Великан стал на лыжи, и они поехали в сторону каменного старика. Великан въехал в рот каменного старика, а выехал изо рта каменной старухи. Под мышкой он держал только что убитую молодую важенку¹. Он бросил тушу на пол, и подкинул вверх свой нож. Нож сам в один миг снял с туши шкуру и разрезал мясо на куски. Куски прыгнули один за другим в котел с кипящей водой. Мясо сварилось. Великан сказал:

— Мой гость, ешь, угощайся!

Бедняк съел несколько жирных кусков, быстро наелся и говорит:

— Спасибо. Чувствую, как прибавилось силы в моих руках, как прибавилось резвости в моих ногах.

Великан кликнул дочь и говорит:

— Отдаю тебе в жены мою красивую дочь. С ней отдаю чудесный мешок. В нем — ваше богатство. Но развязать его можно только в своем чуме. Если не выдержишь, если развяжешь раньше — жизнь твоя станет хуже прежней.

Бедняк с невестой пошли назад, к своему чуму. Бедняк несет мешок, а он тощий, будто совсем пустой. Какое в нем богатство?

Идут они через реку. Вдруг из-под льда слышались голоса, раздавалась громкая песня. Это пели водяные черти:

*Ты стой, бедняк, стой!
У тебя мешок — пустой!
Развяжи-ка ремешок,
Загляни-ка ты в мешок,*

¹ Важенка — самка оленя, олениха.

*Загляни-ка ты в него —
Там и нет ничего!*

Но бедняк не послушал чертей, не стал развязывать мешок. Пришли они с невестой домой. Тогда только бедняк развязал мешок. Из него вырвалась туча оводов. Через дымник они вылетели наружу. Бедняк с невестой и с матерью выбежали из чума. Что такое? Вокруг чума оленей — не перечесть! Это оводы великана превратились в оленей. Богатым стал младший брат, богаче всех в тундре.

Старший брат, богач, сразу прибежал к нему.
— Расскажи, брат, как это ты вдруг разбогател?

Младший брат рассказал все как было. Старший брат побежал к проруби. Опустил руку в воду, долго держал, вытащил — никакой рыбы нет. Тогда он встал на лыжи и побежал к великану. Великан и ему принес жирную важенку. Старший брат ел, пока всю не съел.

— Ох, наелся, тяжело мне, встать не могу. У тебя буду спать.

Великан говорит:

— Я тебя не приглашал спать. Иди спать в свой чум.

— Ладно, пойду, — говорит старший брат, — ты только дай мне свою дочь в жены да чудесный мешок.

Великан говорит:

— Дочь мою я тебе не дам, у тебя и так девять жен. А мешок дам, бери. — И он дал богачу тощий мешок, будто совсем пустой.

Богач схватил его и грузно побежал домой. На середине реки из-под льда раздались голоса. Это пели водяные черти:

*Ох и глупый ты, богач,
Поглупел ты от удач.
Не спеши, богач, постой,
Ведь мешок-то твой — пустой!
Развяжи-ка ремешок,
Загляни-ка ты в мешок,
Загляни-ка ты в него —
Там и нет ничего!*

Богач подумал: «А ведь мешок-то и вправду пустой, вон какой легкий! Какие там олени!» Он развязал ремешок и заглянул в мешок. Оттуда с шумом вырвались оводы и полетели к его чуму. Богач обрадовался: «Они все превратятся в оленей!», — и он поспешил за ними. Черти захохотали и запели:

*Поглядите — вон каков
Обожравшийся глупец.
Он получит от волков
По заслугам, наконец.*

Богач прибежал к дому. Глядь: все олени перерезаны, а кругом — тьма волков.

С тех пор младший брат стал богачом, а старший — бедняком. Но младший давал старшему еду, он не гнал старшего, как тот, бывало, гнал его.

Вот и конец.

Пересказал Марк ВАТАГИН



Приближается Восьмое марта, и пришло время ответить на вопрос, который мне задают в письмах многие девочки: что можно сделать своими руками в подарок маме, сестре, подруге? Я расскажу про подарки, которые приготовила сама.

На рисунке — лев. Это — диванная подушка. Из старого пальто я выкроила голову (2 детали). Сложив половинки головы лицевой стороной вовнутрь, прошила их по краю, оставив отверстие для набивки. Вывернула и набила кусочками ватина и поролон. Уши можно зашить в шов или нашить сверху. Щеки и нос — аппликация: вырезаны из другой ткани и пришиты петельным швом. Глаза — пуговицы. Для гривы годятся остатки пряжи, тонкая тесьма и веревка. Гриву можно убрать в шов, я же нашила ее по всей голове, делая узелок после каждой петли, чтобы она не вытягивалась.

На рисунке — салфетка из разных лоскутков ситца. Я вырезала одинаковые квадратики и разложила на столе, чтобы подобрать наиболее удачное по цвету расположение. Сшила три полосы (каждая из трех квадратов) и аккуратно разгладила швы с изнанки по обе стороны. Потом сшила полосы так, чтобы углы квадратов совпали, и опять разгладила швы. Осталось подогнуть салфетку.

На рисунке — аппликация на стенку. Она вырезана из цветной бумаги и наклеена на картон.

Не забудьте о красивой упаковке. Не заворачивайте подарок в газету, используйте для этой цели белую или цветную бумагу, перевязывайте тесьмой или лентой.



Рисунки
Т. Петуховой

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ



Во многих городах и поселках нашей страны проходит конкурс «Кузнечика» на лучшую школьную команду по прыжкам в длину и высоту и команду юных спринтеров.

Фоторепортаж нашего корреспондента Валерия Горбунова рассказывает, как тренируются юные спортсмены школы № 1 поселка Вихоревка Иркутской области.



У НАС В ГОСТЯХ

Заслуженный
тренер СССР
В. Я. РОЗЕНФЕЛЬД

— Ваннадий Яковлевич, вы — специалист по прыжкам с шестом, а члены нашего клуба учатся быстро бегать и прыгать в длину и высоту. Прыжками с шестом, как известно, они не занимаются. Но вы всегда приходите на соревнования «Кузнечика», интересуетесь, как у нас идут тренировки... Чем объяснить такой интерес?

— Очень просто. Во-первых, мне, действительно, интересно. А во-вторых, почему вы считаете, что кто-то из ваших «кузнечиков» не может увлечься прыжками с шестом? Понимаете, тут ни в чем нельзя быть уверенным. Сколько раз было: спортсмен начинает заниматься одним видом спорта, а потом выясняется, что его призвание в другом. Вот я и приглядываюсь к юным спортсменам, прикидываю, что и как.

— В группе шестовиков, с которыми вы сейчас занимаетесь, есть два брата: мастер спорта международного класса Владимир Трофименко и мастер спорта Василий Трофименко — спортсмены, хорошо известные любителям легкой атлетики. Скажите, а как они появились в вашей группе?

— Вы хотите узнать,

не переманил ли я их из других видов спорта? Нет, здесь все было иначе. И скажу прямо: история, как мы нашли друг друга, мне самому иногда кажется непонятной, лишенной самой элементарной логики. Понимаете, подходит однажды ко мне мальчишка и говорит: «Возьмите меня к себе». Я говорю: «Не могу. Прием в группу закончен». Короче, стал отговариваться. Не показался мне этот мальчишка. А он заявляет: «Зря не берете. Я бы чемпионом стал и рекорд страны установил!» Гляжу я на него и думаю: «Ну и хвастун».

Но я только так подумал, а сказал совсем другое. Мол, если будешь чемпионом, беру, приходи. И через несколько лет Володя Трофименко стал, действительно, чемпионом. И не только нашей страны, но и Европы.

А с Васей, его младшим братом, история еще удивительней. Дело было так. Приехал в гости к Володе его друг — знаменитый прыгун в высоту Владимир Яценко. Володя Трофименко познакомил Яценко со своим младшим братом. И когда он их знакомил, Яценко шутливо сказал Васе: «Рад познакомиться с будущим чемпионом». А Вася, который и спортом тогда даже не занимался, шутку воспринял всерьез. А потом пришел и мой черед познакомиться с младшим Трофименко. На сегодня — он один из сильнейших

в стране юных шестовиков, успел выиграть несколько крупных соревнований...

— Интересно, какими физическими данными должен обладать юный спортсмен, чтобы со временем стать хорошим шестовиком?

— Уже давно ученые вместе с нами, тренерами, разработали специальные тесты, что помогают вести отбор спортсменов. Но я отвечаю просто: скорость, прыгучесть, природная координация движений, вес и рост — вот основные показатели, которые нас интересуют. Но нельзя забывать, что каждый тренер руководствуется еще и своими критериями отбора. Я, например, часто спрашиваю: любишь ли играть в волейбол? И когда отвечают: «В волейбол не люблю, люблю в баскетбол», мысленно ставлю минус. Да, пусть баскетболисты не обижаются, но я лично убежден: волейбол — игра более интеллектуальная и времени на раздумье оставляет меньше. Решения здесь надо принимать буквально в доли секунды, так же, как и прыгуну с шестом.

— Что бы вы хотели пожелать членам нашего спортклуба?

— Пусть «Кузнечик» растет и крепче встает на ноги. И пусть все «кузнечики» помнят: главное в спорте — характер. Нет спортсменов, которые не проигрывают. И нет чемпионов, которые не умеют стойко переносить неудачи.

Здравствуй, «Кузнечик»!

Зимой у нас в городе бывает очень холодно, и на улице тренироваться непросто, но мы с приятелями все-таки делаем небольшие пробежки, прыгаем через сугробы. Однажды я провалился в сугроб по самые плечи, быстро вылез и стал делать разные упражнения, чтобы не простудиться. Иногда начинает дуть сильный ветер. Еле держишься на ногах. Но мы решили использовать этот ветер в тренировочных целях. Бегаем так, чтобы он дул в спину. Кажется, скоростные качества улучшаются.

Дима Сидоров,
Норильск

Недавно вы приняли меня в «Кузнечик», и я была очень рада.

Двое мальчиков с нашей улицы тоже решили заняться легкой атлетикой и написать заявление о приеме. Мой брат Коля, которому исполнилось десять лет, послал письмо с заявлением и с волнением ждет ответа. Думаю, глядя на нас, многие ребята в Белой Калитве захотят начать тренировки, и у нас можно будет открыть филиал «Кузнечика».

Света Вяленкова,
Белая Калитва

На улице идет дождь, а обувь моя вся прохудилась. Из-за этого мне пришлось пропустить несколько тренировок. Но я нашел дома баночку с резиновым клеем, зачистил на подошве кед места, где они протекали, и аккуратно заклеил. К утру клей высох, и я снова бегаю по утрам кросс. Постараюсь как можно быстрее наверстать упущенное.

Гиви Менадзе,
Кутаиси

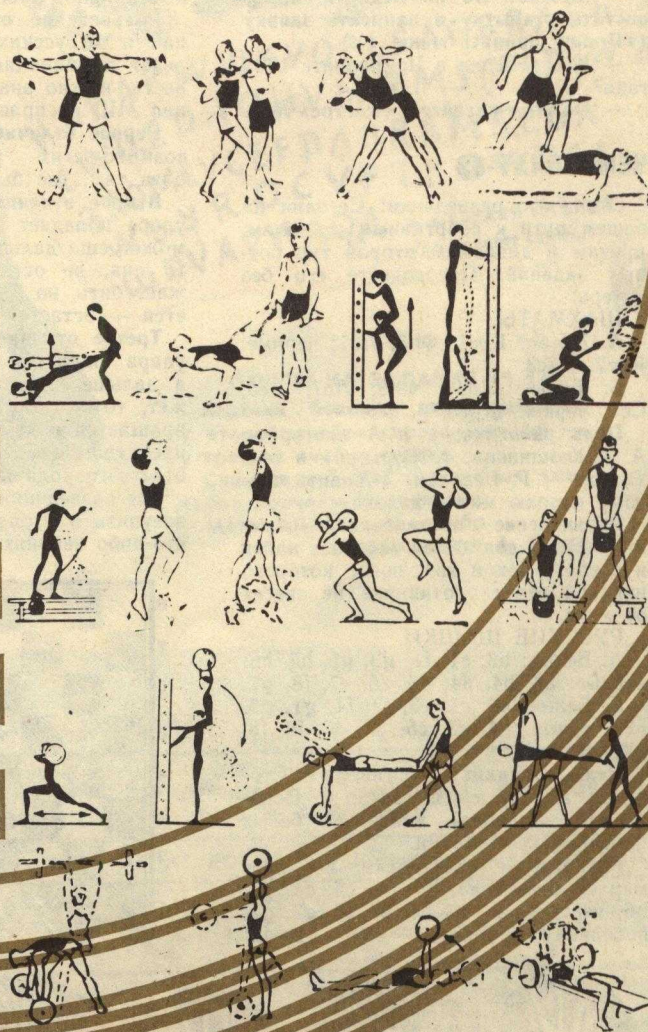
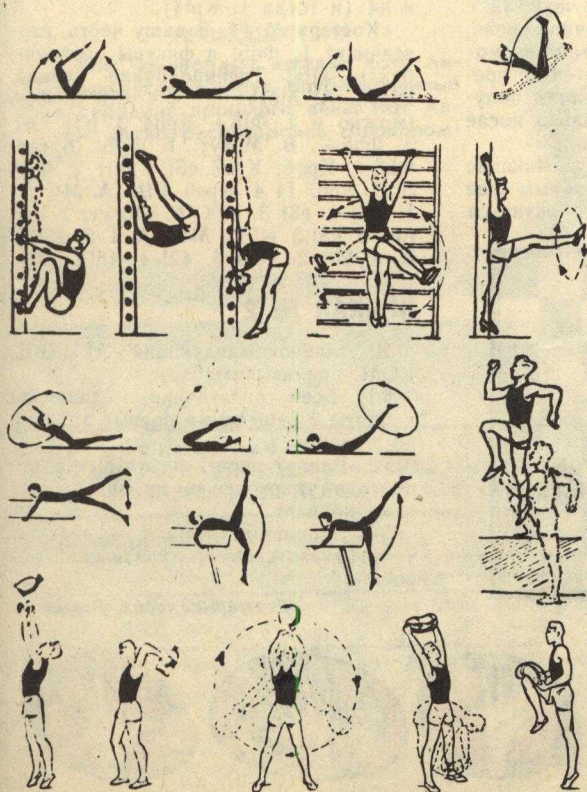
Ведет заслуженный тренер СССР,
заслуженный мастер спорта,
главный тренер СК «Кузнечик»
Эдмунд Исидорович РОХЛИН

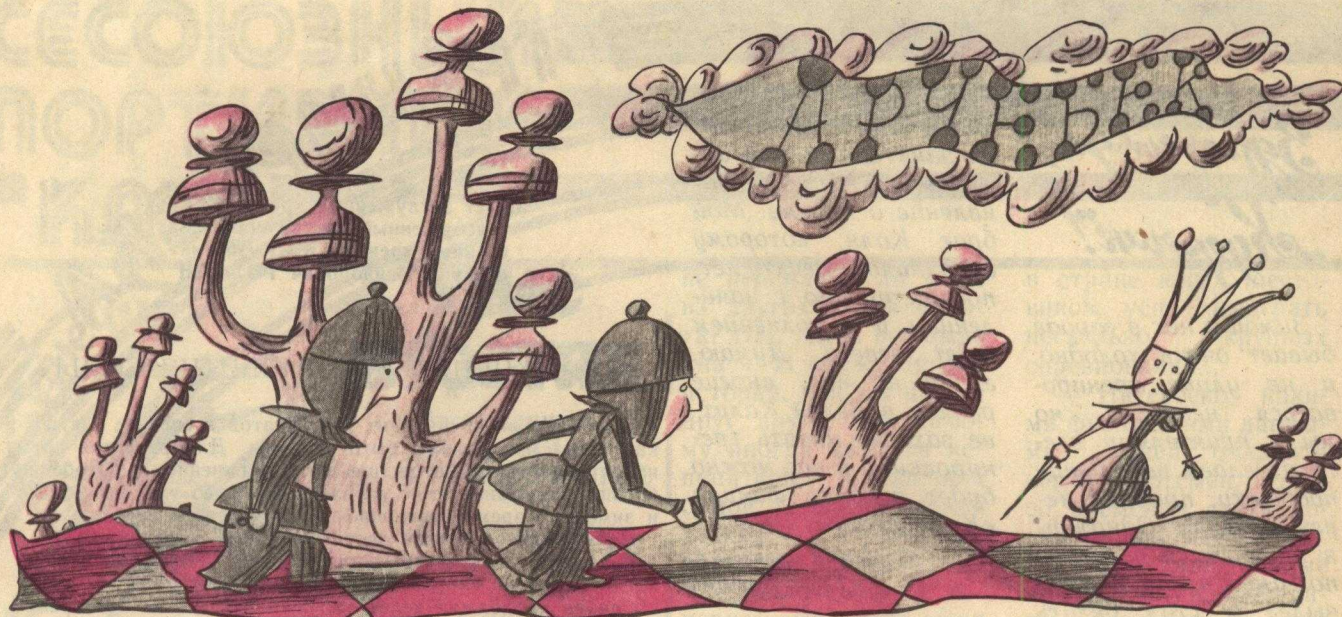
УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СИЛЫ

Для достижения высоких результатов в спринте и прыжках спортсмен должен быть сильным. Для развития силы надо заниматься специальными упражнениями. Особенно большое внимание этим упражнениям надо уделять осенью и зимой во время тренировок и на утренней зарядке.

Для каждого занятия достаточно 5—6 упражнений. Их следует повторять непрерывно, до чувства утомления, когда теряется скорость движения. Отдохнув 2—3 минуты, снова продолжай делать упражнения. Таких повторений нужно сделать 4—6 раз. Закончив, перейти к следующему силовому упражнению. Сделав 5—6 упражнений, ты сделаешь серию. Таких серий утром надо делать 2—3, а на тренировке до 10.

Все движения старайся выполнять широко, с ускорением. Следи за дыханием. Дышать нужно ровно, без задержки.





КИОСК „МГНОВЕННАЯ СПРАВКА“

— Кто из писавших заявку на участие в чемпионате АРЧЕБЕКА к соревнованию не допущен?

— Таких нет: допущены все!

— Можно ли еще вступить в Армию Разведчиков Черно-Белых Клеток и включиться в Чемпионат?

— Можно! Но не медлить: сразу достать открытку и написать заявку («Прошу принять меня...»).

— Кто победил в Чемпионате 1981 года?

— Об этом читайте в «Костре» № 5.

ЧЕМПИОНАТ-82

Отважные разведчики! Сегодня на вашем пути к спортивным разрядам, призам и дипломам второй тур боевых заданий. Преодолейте его без потерь!

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Крe1, Фh3, Лa1; черные: Крс2, п. с3.

Б. Белые: Крb4, Фh8, Лb7, Ле8, Сс5; черные: Крс6, п. с7.

Цель разведки: и в А (автор — А. Шапошников, г. Горький) и в Б (автор — Г. Басиля) объявить черному королю мат в 2 хода.

Разъяснение обстановки: «объявить мат в два хода» означает найти и сделать такой ход, после которого никакой ответ противника не спасет от мата.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: b2, c1, f4, g3, g5, h2, h6; черные: a7, b4, d4, d6, e5, e7, f8, g7.

Б. Белые: a3, c1, e3, f2, f4, g1, g3, h2; черные: b4, c3, c5, c7, d6, f6, f8, g7, h8.

Цель разведки: и в А (автор В. Степанов, Абаза) и в Б (автор С. Перескоков, Дудинка) найти за белых победные комбинации.

Разъяснение обстановки: вот пример — белые: a3, b4, c3, c5, d4, g1, h6; черные: a7, b6, b8, e7, f8, g3, g7; победная комбинация — 1. g1—f2!

g3:e1 2. c5—d6! e7:e3 3. b4—a5 и т. д. с выигрышем (что среди разведчиков РШ принято записывать кратко — 1. f2! 2. d6! 3. a5X).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 21, 27, 29, 35, 37, 38; черные: 6, 12, 13, 16, 25, 33.

Б. Белые: 27, 28, 33, 37, 43, 44, 50; черные: 12, 13, 16, 19, 21, 24, 34.

Цель разведки: доказать, что белые должны победить.

Разъяснение обстановки: и здесь, как и в русских шашках, к победе ведет комбинация, но чтобы ее провести, нужно знать три отличия правил МШ от правил РШ.

Первое отличие — при нескольких возможностях удара обязательно бить там, где бьется больше шашек.

Второе отличие — если простая с удара попадает на дамочное поле и может еще дальше бить как простая, то она, не останавливаясь, продолжает бить, но в дамку не превращается — остается простой.

Третье отличие — если простая с удара попадает на дамочное поле, а дальше бить как простая не может, то она останавливается и превращается в дамку. Эта дамка получает «дамочные права» только после ответного хода противника.

Все разведчики МШ или желающие вступить в отряд МШ, которым еще что-либо непонятно, могут обратиться

(на отдельной открытке) к шахмат-адмиралу за пояснениями.

НА ПОЛИГОНЕ АРЧЕБЕКА

Сегодня испытываются образцы оружия, которое сконструировал Юрий Шарашкин (Макеевка).

№ 1. Смотри диаграмму.

№ 2. Белые: Кра6, Фс6, Лd1, Кd2, п. d4; черные: Крb4, Ка2, пп. a4, b6, d5.

Разведчики, на линию огня! Цель — черный король. Дайте мат с дистанции двух ходов!

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Сыграй 25 партий! (Конечно, не за один раз). И напиши рапорт о результате.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

«Костер» № 10. Задание резерву. Таких полей два: e8 (и тогда 1. Крf6) и h4 (и тогда 1. Крf4).

«Костер» № 11. В вашу честь, разведчики! 1. Фd5! и фигуры образуют букву «Р». Тренировочная кабина. ШХМ. А. Могут: 1. Фf4 Cf2 2. Фg5 (можно и 2. Фf5+ Крh4 3. h3) Ce1 3. Фh5+. Б. Могут: 1. Фg5! f6 (e6; Фh6+ Крg8; Крe7 e5; Крf6) 2. Фg6 f5 3. Крd7 f4 4. Кре6. РШ. А. Могут: 1. fe3! 2. e3! 3. b2X. Б. Могут: 1. de3 f:d2 2. e3! 3. ef2!X. МШ. А. 1. 9! 2. 3X. Б. 1. 20! 2. 4! 9 3. 42! 4. 48!X.

ПРИКАЗ № 2

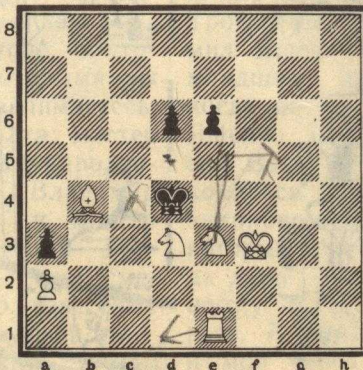
Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Всем разведчикам отправить рапорты с решениями боевых заданий до 1 мая.

§ 2. Рапорт писать на открытке или почтовой карточке и не вкладывать их в конверт.

§ 3. В рапорте (в левом верхнем углу) указать номер тура и свой пароль.

Шахмат-адмирал Ферзьбери



ЗА СЕМЬЮ ПЯТЯМИ

Шхуна «Икс» продолжает кругосветное плавание!

Сегодня юнга Румбик выловил в море запечатанную бутылку. В бутылке находилась записка.

— Ее текст необходимо записать, — сказал Разгадайка и раскрыл вахтенный журнал. — Что у нас сегодня — среда или четверг?

Боцман Дваждыдва уже раскрыл рот, чтобы ответить на вопрос капитана, но Разгадайка остановил его.

— Подождите! Я попробую сам угадать с помощью несложных расчетов. Условимся: понедельник — это первый день недели, вторник —

второй, среда — третий и так далее. Итак, умножьте номер сегодняшнего дня на 2, прибавьте к произведению 5 и умножьте сумму на 50. От полученного результата отнимите 250. Какое число у вас получилось?

— 400.

— Значит, сегодня четверг.

— Как вы догадались? — спросил восхищенный боцман.

— О, это старинная русская задача. Она была опубликована еще в знаменитой «Арифметике» Магницкого. По этому учебнику изучали основы математики в XVIII веке. Проверьте вычисления, обозначив номер дня

недели через название нашей шхуны! — ответил Разгадайка и занялся переписыванием.

С первого взгляда капитану стало ясно, что перед ним — загадочная шифрованная записка. Внимательно изучив текст, Разгадайка сказал:

— Нет сомнения, нас кто-то разыгрывает.

— Почему? — удивились члены команды.

— Потому что написанное не соответствует истине, — объяснил он и указал на ошибку, содержащуюся в записке.

Найдите ошибку.



ПРОИСШЕСТВИЯ

Кок Чайнвордич загадал коту Ангусу русский ребус, опубликованный в середине прошлого века. Кот Ангус легко расшифровал головоломку.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 1

Верхний боковой канат режется у второй ячейки справа, нижний — у третьей ячейки справа.

Существует 2912 различных способов прочесть перевертыш.

Метаграмма: тигр — Тибр.

Оформление, А. Януса

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК (зам. главного редактора), В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор М. Е. РОШАЛЬ

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-31902. Сдано в набор 05.11.81. Подписано к печати 13.01.82 г. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,4. Печать офсетная. Тираж 760 000 экз. Заказ 3480. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

2-4

ТАНКИ

Валерий ЧЕРКАШИН

Над краем поля,
над бугром,
где полыхают маки,
нависла пыль,
рокошет гром, —
идут в атаку танки!

Крепка гвардейская броня.
Стволы расчехлены!
Им ни почем волна огня.
И пули не страшны.

Обрыв глубокий,
Подъем ли крутой,
Пески или болота, —
танкисты все равно пройдут!
За ними вслед — пехота.

Я не сводил с колонны глаз,
Но танки мчались быстро...
Закончу я десятый класс
и попрошусь в танкисты!

